

И. В. Красавин, И. А. Симонова, Д. А. Томильцева

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Учебное пособие

Екатеринбург, 2016

ББК Ю87.7я73
УДК 303.01 + 171 + 172.12
И904

Авторы:

Кандидат философских наук И.В. Красавин (гл.5)
Кандидат философских наук И.А. Симонова (гл.4)
Кандидат философских наук Д.А. Томильцева (предисловие, гл.1,2,3)

И904 Историческая ответственность: [учебное пособие] / [И.В. Красавин и др.]; под общ. ред. к. филос. наук Д.А. Томильцевой – Екатеринбург: ООО Издательство «Деловая книга», 2016 – 98 с.
ISBN 5-88687-284-1

В учебном пособии выявляются аспекты проблематизации и основные теоретико-методологические подходы к изучению феномена исторической ответственности в современных социальных науках и философии, определяются практические перспективы работы с понятием «историческая ответственность» и векторы дальнейшей концептуализации исторической ответственности.

Учебное пособие по специальному курсу «Историческая ответственность» адресовано студентам старших курсов социальных и гуманитарных направлений, магистрантам, аспирантам и всем, интересующимся данной тематикой.

ББК Ю87.7я73
УДК 303.01 + 171 + 172.12

*Учебное пособие подготовлено при поддержке
Совета по грантам Президента РФ (МК-5814.2015.6)*

ISBN 5-88687-284-1

© Коллектив авторов, 2016

Предисловие

Что представляет собой феномен исторической ответственности в современном общественном сознании и почему проблематика исторической ответственности столь востребована в настоящее время? Ответить не так просто, как кажется на первый взгляд. Действительно, что означает рассмотрение ответственности в исторической перспективе? Как мы вообще можем понимать ответственность? Какие теоретико-методологические подходы к изучению исторической ответственности сложились в современном общественном сознании? На эти вопросы мы и постараемся ответить в данном учебном пособии.

Для нашей страны тема исторической ответственности является одной из наиболее болезненных и актуальных. Все мы так или иначе оказываемся заложниками прошлого, стыдящего, пугающего или, наоборот, наполняющего чувством гордости. Прошлое не отпускает – мы проектируем будущее с оглядкой назад, боремся или культивируем его в своих повседневных практиках, возвеличиваем одни исторические события и вступаем в ожесточённые споры по поводу других. Конечно же, наиболее заметную роль во всех этих процессах играют мемориальные движения, политические инициативы и практики, официальные и неофициальные, «идущие снизу» и «идущие сверху». В современной России в этом отношении складывается парадоксальная ситуация: одновременно с масштабным движением по увековечиванию жертв сталинских репрессий, такими как «Бессмертный барак», «Последний адрес», «Молитва памяти», то в одном городе, то в другом появляются бюсты Сталина, и даже возникают околорелигиозные культы его почитания; в обсуждениях масштабов трагических последствий системы крепостного права в России «вырываются» слова о безусловной благодати этой системы – что же говорить о событиях менее отдалённых от нас по времени!

Но чем объединены все эти болезненные обсуждения прошлого? Прежде всего – их пристрастностью. Ведь здесь мы касаемся той области, в которой на смену поискам объективной научной истины приходят совсем другие задачи – прагматические, этические или политические – выстраивающиеся вокруг обвинений и признаний вины, покаяний и чествований, иными словами, того спектра действий и явлений, который мы привычно именуем ответственностью. Сразу следует сказать о том, что изучать феномен исторической ответственности в современном общественном сознании – задача не самая простая. Во-первых, само современное общественное сознание – это достаточно ши-

рокая теоретическая и дисциплинарная область, в которой говорить о существовании некоего единого способа концептуализации попросту абсурдно: дисциплинарные направления и теоретико-методологические подходы задают собственные векторы понимания исторической ответственности, а также предполагают свои варианты практической её реализации. Во-вторых, проблематика исторической ответственности «рассеяна» во множестве родственных явлений и феноменов, таких как «коллективная вина», «историческая справедливость», «практики коммеморации», «политическая ответственность», в связи с чем возникает необходимость обращаться к анализу достаточно разнородного корпуса источников, событий и практик.

Логика изложения материала, которой мы придерживались в ходе работы, представляет последовательное и, вместе с тем, комплексное описание феномена исторической ответственности в современном общественном сознании. Однако, главы пособия можно изучать как последовательно, так и автономно, например, используя их для подготовки к специальным курсам по социальной философии и социальной теории.

Так, в первой главе показаны концептуальные истоки исторической ответственности: сквозь призму кантовского понимания ответственности и последующей его инверсии в философии ответственности Ханна Арендт, выявляются современные основания для понимания исторической ответственности как проблемы морально-политической. Вторая глава сосредоточена на раскрытии проблематики и специфики исторической ответственности, в ней представлено определение исторической ответственности, конкретизированы различные аспекты осмысления, представлены особенности понимания ответственности сквозь призму историчности. В третьей главе описываются формы репрезентации исторической ответственности, представлены способы типизации выделенных форм в зависимости от темпоральной направленности ответственности, вариантов продуцирования её смыслов и их зависимости от определения субъектов. Такое описание позволяет выделить критерии, по которым те или иные события и практики могут быть отнесены к исторической ответственности. Четвёртая глава посвящена анализу исторической ответственности как социального отношения, которое реализуется посредством многообразных практик, требующих рассмотрения в контексте отдельных отраслей социального знания. В частности, на примерах деятельности ряда конкретных сообществ (порой работа с осмыслением приводимых примеров оказывалась весьма и весьма не-

простой для авторов) раскрываются правовые, экономические, и управленческие аспекты ответственности. Наконец, в последней главе через призму переосмысления проблематики субъектности показаны перспективы дальнейшей концептуализации исторической ответственности в современной социальной теории. Каждая глава сопровождается списком рекомендуемой литературы.

Получившийся многогранный, многоаспектный взгляд позволяет выйти за рамки узкого «популистского» и морализаторского понимания феномена исторической ответственности и сформировать критическое отношение к процессам политизации истории и манипулирования прошлым.

Глава 1.

Концептуальные истоки исторической ответственности

Какие ассоциации возникают у нас, когда мы начинаем разговор об исторической ответственности? Не так-то просто дать однозначный ответ. Если следовать устоявшимся траекториям представлений, то, должно быть, мы подумаем о человеке или даже целом народе, деяния и поступки которых привели к масштабным трагическим событиям с большим количеством жертв. Вряд ли нам вспомнится в этой связи что-либо героическое, поскольку ответственность чаще упоминается в негативном ключе, прочно увязываясь с наказанием. Мысленно мы переносимся в прошлое – отдалённое или не очень – являющееся частью собственного опыта или почерпнутое из газетных публикаций, но поддающееся, на первый взгляд, контрастному оценочному суждению. Конечно, здесь имеются в виду только те ассоциации, которые возникают буднично, спонтанно и ни в коей мере не связаны с профессиональными исследованиями. Это скорее эмоциональные реакции, нежели серьёзная рефлексия.

Продолжая наши рассуждения, зададимся вопросом: как должны были действовать этот человек или эта общность, для того, чтобы нести ответственность за некоторые деяния? Наши обыденные представления, «пропитанные» религиозной традицией, говорят примерно следующее: поступок или любое деяние для того, чтобы их могли признать нравственными или добрыми, должны быть бескорыстными, в то время как злодеяние – целеположенным. Именно поэтому деяния, совершённые по незнанию или неосторожности, представляют довольно сложные случаи с точки зрения интерпретации, оценки и вменения обязательств. С другой стороны, мы говорим об ответственности в смысловой (и каузальной) связке со свободой, оказываясь, сами того не подозревая, под влиянием кантианской традиции.

Связка «свобода – ответственность» кажется нам оправданной, более того, сама собой разумеющейся. Во многом исходя из неё определяется устойчивая система представлений о вине – вменении и признании вины – индивидуально направленная и выстраивающаяся на аксиоматическом утверждении свободного суждения рационально мыслящего субъекта. Такая система ориентирует нас на выявление конкретного виновного и приводит к формированию упрощённого понимания общности как единого субъекта. И это один из вариантов представления субъекта исторической ответственности. Однако, проблема состоит в том, что даже если речь идёт о конкретном человеке,

которому вменяется вина за определённые деяния, то критерий «свободного рационального субъекта» далеко не всегда оказывается однозначным. Рассмотрим пример с южноафриканской Комиссией Правды и Примирения, приведённый Б. Кассен в статье «Амнистия и прощение: о разделительной полосе между этикой и политикой»: «Вернемся к деятельности Комиссии¹ и к ответам “преступников”. Вы откровенно рассказали о том, что совершили политическое преступление, и требуете себе тем самым амнистии. В этот момент вы декларируете (по Протагору, возможно, безумно) вашу несправедливость; и это самое декларирование делает вас вновь справедливыми, вновь делает вас людьми и вводит в создаваемое сообщество людей. Но вы можете и отказаться признать, что вы совершили политическое преступление, даже если это было политическое преступление, именно так действовал Кларк². Вы отказываетесь требовать амнистии, притязая на то, что всегда действовали справедливо. Такое упорство работает на справедливость, делая ее еще более основательной. Вы провозглашаете, что вы никогда и не прекращали быть членом сообщества, перед которым вы сейчас и выступаете. Признаете ли вы, что в прошлом вы поступали несправедливо, или считаете, что всегда были справедливыми, вы все равно признаете и правосудие, и общество самым заявлением как таковым. Такова самоблокирующая правда решимости без остатка³. То есть, рациональный свободный субъект может не признавать, что совершал преступление (это привычный нам ход рассуждения), или же может согласиться с вменением ему определённых поступков, но не признавать их негативного характера или негативной оценки – то есть, в момент совершения они были морально и/или юридически оправданными. Наконец, нельзя не упомянуть о трудности, акцент на которой ставил ещё Аристотель – обусловленность поступка обстоятельствами – когда можно говорить о том, что свобода действия оказалась утраченной?

И вот в этой постановке множества вопросов, сопутствующих любому акту вменения или признания ответственности, мы можем

¹ Имеется в виду деятельность Комиссии Правды и Примирения, работавшей в ЮАР с 1994 по 2000 г.

² Фредерик Виллем де Клерк, президент ЮАР (1989-1994), отказавшийся от проведения политики апартеида и взявший курс на демократизацию страны.

³ Кассен Б. Амнистия и прощение: о разделительной полосе между этикой и политикой // Интернет-журнал «Михаил Гэфтер». URL: <http://gefter.ru/archive/6260> (Дата обращения: 01.10.2016).

выделить две позиции (два полюса), определяющих наше современное понимание ответственности, особенно в её историческом аспекте. Это, собственно, позиция И. Канта и Х. Аренд. Забегая вперёд отметим, что Х. Аренд наглядно показала пределы универсального кантианского понимания, то есть обнаружила ту область «банальности», в которой привычные (кантианские) представления о вменении и принятии ответственности парадоксальным образом приостанавливаются.

Но в данной главе мы будем рассматривать не только этот момент приостановки, но и те основания, благодаря которым возникли наши современные представления об исторической ответственности. Здесь необходимо сделать уточнение: исследований, посвящённых собственно исторической ответственности, достаточно мало – это недавно артикулированная в философской и социальной мысли проблема. Тем более сложной выглядит наша задача – ведь нам необходимо не только исследовать собственно концепцию (моральной) ответственности, но также найти в ней перспективы понимания исторической ответственности, и определить, до какой степени они оказываются интегрированными в наши современные концепции.

§ 1 Кантианские перспективы понимания исторической ответственности

Задача, которая стоит перед нами в этом параграфе, заключается в том, чтобы рассмотреть перспективы понимания исторической ответственности через анализ представлений об ответственности И. Канта. Мы не случайно употребляем термин «перспективы». Дело в том, что в контексте кантианской философии необходимо прежде всего говорить об ответственности моральной. В то же время историческая ответственность должна быть охарактеризована несколько иным образом – как ответственность морально-политическая¹. Юри-

¹ Как правило разговор об исторической ответственности выходит далеко за рамки поиска конкретных виновных или поощряемых за деяние. Это более сложный феномен, включающий в себя текущие взаимоотношения между сообществами в контексте некоторого события или событий, и предполагающий обращение к таким проблематичным конструктам как «коллективная вина», «общий долг», «подвиг народа», «национальная трагедия», «историческая память» и т.д. При этом следует говорить о том, что в «классическом» её понимании историческая ответственность предполагает наличие адресатов вменения (вины или заслуг), определённых критериев оценки событий, которые можно было бы назвать политически-зависимыми.

дические её аспекты артикулированы меньше и возникают в контексте постановки вопроса о справедливости (этот вопрос будет рассмотрен нами далее).

Вторая сложность, которая нас ожидает, связана со спецификой кантианского понимания ответственности. Так, К. Блэсер говорит о том, что «Кант использует термин “ответственность” редко. Вместо этого он разрабатывает тему ответственности за чьи-то прошлые деяния в терминах “вменения”»¹. Ф. Раффул добавляет: «Кант определяет ответственность как вменение, основывающееся на свободе субъекта, и провозглашает, также, что ответственность как само-ответственность определяет личностные черты как таковые»². Разумеется, проблематика вменения и те моральные аспекты, которые возникают в связи с этим, нуждаются в более подробном освещении.

1.1 Как определяется ответственность?

Человек «...не отвечает за склонности и влечения и не приписывает их своему подлинному Я, т.е. своей воле, но отвечает за то потворство, какое он им оказал бы, если бы позволил им влиять на его максимы в ущерб законам воли, которые устанавливает разум»³. На первый взгляд, в этом высказывании заключена привычная для современного человека «формула» ответственности: кто-то всегда несёт ответственность за свои поступки и умение сделать выбор в пользу правильного и должного поведения. Однако существуют значительные отличия между кантианским рациональным субъектом, чьи «неподконтрольные» склонности противостоят «подлинному Я»

Уникальность феномена исторической ответственности состоит в том, что отношения жертвенности и/или виновности выходят за пределы фактичности личной вовлечённости (то есть личной вины, заслуги или травмы), но распространяются на уровне принадлежности (как чувственной, так и формальной, подтверждённой документально) к определённому сообществу (этносу, религиозной группе, гендеру, классу, профессии, гражданству, органу власти и т.д.). В этой интерпретации мы не выходим за пределы устоявшихся способов осмысления иных возможных форм ответственности – юридической, политической или моральной.

¹ Blöser C. Degrees of responsibility in Kant's Practical Philosophy // *Kantian review*, vol.20, №2, 2015. P. 184.

² Raffoul F. *The origins of responsibility*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University press, 2010. P. 58.

³ Кант И. *Основы метафизики нравственности* // *Основы метафизики нравственности*. М.: Мысль, 1999. С. 239-240.

и современными представлениями о человеке, проигрывающем в неравном бою вначале собственному бессознательному, а затем и биохимическим процессам в мозге (тоже собственному), причём именно этот неравный бой и составляет уникальность и подлинность «Я». Впрочем, когда кто-то лично или от лица сообщества пробует дать морально-политическую оценку некоторым событиям или поступкам¹, эти отличия уходят на второй план, а обе позиции, причудливо сливаясь, образуют присущий нам способ оценивать. В зависимости от ситуации мы можем апеллировать к некоторым «влечениям и склонностям» как для того, чтобы найти объяснение или оправдание поступку, так и для увеличения тяжести содеянного. Парадоксальность данной ситуации состоит в том, что в самой моральной философии И. Канта и коренятся основания, позволяющие нам впоследствии совмещать казалось бы несовместимые позиции.

Но вернёмся к приведённому выше определению. Здесь нам следует обратить внимание на два момента: во-первых, человек, которого можно в полной мере признать ответственным, не просто обладает способностью мыслить, но действует исходя из имманентных «законов воли»; во-вторых, наличие у такого человека «дурных склонностей» или того, что мы могли бы на современном языке определить как невроты, психические травмы и т.д., не рассматривается

¹ Мы не случайно вновь упомянули о «морально-политической» оценке событий. Дело в том, что историческая ответственность – сложный феномен, объединяющий личностное отношение к произошедшему событию и его репрезентацию на уровне коллективного восприятия, официального и/или неофициального исторического нарратива. При этом личностное отношение характеризуется эмоциональной вовлечённостью оценивающего, сопрягаемой с его собственным опытом, семейными воспоминаниями и т.д. В итоге оценка в контексте исторической ответственности предстаёт как комплексное суждение, объединяющее в себе категории «хорошо-плохо», «правильно-неправильно» и понимание роли различных способов интерпретации события в социально-конструктивных и социально-деструктивных процессах. Оценивающий человек получает возможность самоидентификации в соответствии с занимаемой позицией: отнести себя к категории жертв, виновных или занять отстранённо-нейтральную позицию. Последняя позволяет либо закрыть вопрос об исторической ответственности как не имеющий большого социального значения, или принять роль «третьей стороны»: примирителя или вершителя справедливости (в том числе и в юридическом аспекте). Таким образом, сам акт вменения исторической ответственности в отличие от ответственности юридической, может быть описан следующим образом «кому-то как всему сообществу» или «всему сообществу как кому-то».

в качестве удовлетворительного объяснения или оправдания совершённым действиям. Возникает несколько странная ситуация: для того, чтобы появилась возможность признавать человека ответственным и «властвующим» над своими склонностями и слабостями, эти склонности и слабости прежде должны быть обнаружены. Так, рассуждая о долге перед самим собой, Кант говорит о том, что «первое веление» этого долга «заключается в следующем: познай самого себя не по твоему физическому совершенству, а по моральному совершенству в отношении твоего долга – познай своё сердце: доброе ли оно или злое, чист ли источник твоих поступков или нет и что может быть человеку вменено как изначально присущее его *субстанции* или как производное (приобретённое или нажитое) и, быть может, принадлежит к моральному *состоянию*»¹. «Изначально присущее» оказывается внешним для субъекта, но не только оно: внешним по отношению к тому, кто оценивает свои собственные поступки выступает и «голос совести» как позиция, с которой человек осуществляет эту оценку, обвиняет или поощряет себя за сделанное или несделанное². Более того, Кант говорит в этой связи о «двойном я»: ситуации, в которой человек одновременно становится самому себе и судьёй, и обвиняемым, с полагающимся ему адвокатом³. С одной стороны, процесс «суда совести» выстраивается на общем понятии вменения, которое Кант описывает во введении в «Метафизику нравов», с другой стороны – и на это нам следует обратить особое внимание – осуществляется моральным субъектом, который черпает основания своих действий «из понятия свободы законодательства, где человек подвластен закону, который он сам себе устанавливает»⁴.

Нам следует начать с рассмотрения принципа вменения (как мы помним, некоторые авторы понимают проблематику ответственности у И. Канта именно через концепцию вменения). Здесь нам предстоит столкнуться с некоторой трудностью. Она связана с тем,

¹ Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Ч. II. Метафизические начала учения о добродетели // Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. С. 835-836.

² «Эти изначально интеллектуальные и (так как они представление о долге) моральные задатки, названные совестью, отличаются тем, что, хотя дело совести есть дело человека, которое он ведёт против самого себя, разум человека вынуждает его вести это дело как бы по велению некоего другого лица» // Там же. С. 833.

³ Там же. С. 833-834.

⁴ Там же. С. 833.

что сама по себе процедура морального вменения описывается мыслителем аналогично вменению правовому. Основное различие коренится в том, с позиции какого закона происходит оценка поступка, что и определяет последствия для субъекта. Забегая вперёд скажем, что в контексте исторической ответственности разделение на правовое и моральное вменение часто оказывается крайне неоднозначным.

Итак, «вменение (imputatio) в моральном значении – это суждение, по которому кто-то рассматривается как виновник (causa libera) поступка, называющегося в этом случае действием (factum) и подчиняющегося закону; если это суждение влечёт за собой также правовые последствия из этого действия, то оно вменение, имеющее правовую силу (imputatio iudiciaria s. valida), в других случаях оно будет лишь вниманием, вытекающим из суждения (imputatio diiudicatoria). То лицо (физическое или моральное), которое обладает правомочием производить вменение, имеющее правовую силу, называется судьёй или судом (iudex s. forum)»¹. Как можно заключить из данного определения, не каждый вменяющий может быть судьёй, однако, как мы видели выше, каждый человек может исполнять роль судьи по отношению к себе самому, основываясь на моральном законе. Представление же о том, что некто оказывается виновным в совершённом деянии, должно означать, что обстоятельства, при помощи которых вменения можно было бы избежать, то есть, внешние, независимые от субъекта причины, отсутствуют.

К. Блэсер комментирует приведённую цитату следующим образом: человек становится не просто «естественной причиной» поступков, но и собственно их автором – то есть, «свободной причиной», и, замечает она, закон, о котором идёт речь – моральный закон². При этом исследовательница настаивает на довольно интересном разделении двух «способов» вменения, специфицирующих кантовскую концепцию ответственности. Первый способ К. Блэсер обозначает как «подотчётность», в то время как второй – как постановку в вину или заслугу [praiseworthiness, blameworthiness]³. Подотчёт-

¹ Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Ч. I. С. 592.

² Blöser C. Degrees of responsibility in Kant's Practical Philosophy. P. 185.

³ Ibidem. P. 186. Исследовательница исходит из данного Кантом определения: «То, что человек делает сообразно с долгом больше того, к чему он может быть принужден законом, ставится *в заслугу* (meritum); то, что он делает только соразмерно закону, и не больше, – это *исполнение долга* (debitum); наконец, то, что он делает менее того, чего требует долг есть *моральная провинность* (demeritum)». // Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Ч. I. С. 593.

ность означает общую ответственность человека за совершённые им деяния «в соответствии с особенностями или способностями»¹, в то время как постанова в вину или заслугу происходит с учётом специфики конкретного деяния². Важно обратить внимание на то обстоятельство, что в обосновываемом К. Блэснер разделении кантовской концепции вменения, мы не сможем отыскать представлений об универсальных (единых для всего человечества) критериях вменения, скорее, нам даются представления о некоторых общих правилах, которые должны применяться к рассмотрению каждого отдельного поступка, причин его совершения. Так, определение, касающееся общей «формулы» ответственности у И. Канта, которое мы рассматривали в самом начале нашего разговора, относится именно к общим принципам подотчётности, и представляет собой контекст, в котором происходит постанова в вину или в заслугу. Здесь нам следует вновь подчеркнуть, что речь идёт именно о проблематике морального, а не правового вменения.

В контексте исторической ответственности наибольший интерес представляют приводимые И. Кантом основания для определения «степени вменяемости», равно как и причины, по которым могут или не могут быть вменены те или иные последствия поступка. «Определение степени вменяемости (*imputabilitas*) по величине препятствий, которые должны быть при этом преодолены, носит субъективный характер»³. И в рамках той же логики последствия совершения или не совершения поступков, исполненных в соответствии с долгом, не вменяются человеку (т.е. препятствий для совершения или не совершения не было). В то время как последствия поступков, превышающих основное предписание, или наоборот, нарушающих его, вменяются⁴ (т.е. препятствий для совершения или не совершения было слишком много или, наоборот, недостаточно, для того, чтобы иметь основания не совершать). Нам следует обратить внимание на то, что Кант отделяет собственно поступки от последствий поступков, поскольку последние могут пониматься и как случайность с присущей ей «естественной причинностью».

Таким образом, перед нами возникают две формы вменения – собственно поступков и последствий поступков, что коррелирует с

¹ Blöser C. Degrees of responsibility in Kant's Practical Philosophy. P. 186

² Ibidem.

³ Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Ч. I. С. 592.

⁴ Там же.

постановкой в вину или в заслугу. Также речь идёт о необходимости субъективной оценки обстоятельств произошедшего для определения степени вменения. На первый взгляд кажется, что предложенной Кантом схемы вполне достаточно, чтобы внести ясность в представления об ответственности, и, более того, возможно было бы рассматривать в том же ключе историческую ответственность. Однако, здесь надо учитывать ещё ряд факторов, а именно, те «препятствия», о которых идёт речь при определении степеней вменяемости. Кант говорит следующее: «Чем больше естественные препятствия (чувственности), чем меньше моральное препятствие (долга), тем больше хороший поступок ставится в заслугу;

Напротив, чем меньше естественное препятствие и чем больше препятствие из оснований долга, тем больше вменяется нарушение (как провинность)»¹. Итак, речь идёт о неких моральных и естественных препятствиях. Чем они отличаются друг от друга?

Достаточно просто связать естественные препятствия с любыми объективными факторами, возникающими перед человеком, например, такими как свойства характера или психическое устройство, в то время как моральные препятствия отнести на счёт присущих человеку представлений о должном и не должном. Но здесь есть и некоторые трудности. Первую трудность можно было бы отнести к тому, что мы описывали выше как естественные или природные склонности человека. Например, в трактате «Об изначально злом в человеческой природе» Кант предлагает описание изначальной вины, которую «можно заметить столь же рано, как и первое проявление свободы в человеке, и которая, тем не менее, должна возникнуть из свободы и потому может быть вменена»². И далее, мыслитель разделяет вину на неумышленную, то есть такую, в которой зло-деяние не рассматривается в качестве мотива поступка, и преднамеренную. Непреодолённые (или непреодолимые) препятствия чувственности не делают человека невиновным в совершённом поступке, поскольку, как мы уже говорили, он должен осознавать свои склонности и уметь их сдерживать, но с другой стороны, они и не наделяют совершившего той тяжестью вины, которую он понёс бы, преодолев моральные препятствия³.

¹ Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Ч. I. С. 593.

² Кант И. Об изначально злом в человеческой природе // Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. С. 496.

³ Blöser C. Degrees of responsibility in Kant's Practical Philosophy. P. 194.

1.2 Коперниканский поворот в этике

В небольшом эссе, посвящённом изложению основных идей И. Канта, Карл Поппер заостряет внимание на «коперниканском перевороте» в этике, совершённом кёнигсбергским мыслителем. По мнению исследователя, сущность этого «поворота», состоит в том, что человек (созерцатель) превращается из «пассивного наблюдателя» в «законодателя»: «Кант сделал человека законодателем морали таким же самым образом, каким он сделал его законодателем природы. Благодаря этому перевороту человек стал занимать у него такое же центральное место в нравственном мире, какое до этого он занимал в мире физическом. Кант очеловечил этику, равно как и очеловечил науку».¹ Главное, на что нам следует обратить внимание в высказывании К. Поппера, это движение имманентизации. Поворот к очеловечиванию являл собой не просто утверждение главенствующей роли человеческого разума, он означал и уничтожение казавшихся незыблемыми трансцендентных ориентиров, побудительных причин и оценок поступков. На смену им пришёл нравственный закон, одновременно и ставящий человека перед необходимостью сделать (свободный) выбор, и лишаящий его какого бы то ни было удобного нечеловеческого ориентира, наделённого превосходящей степенью ответственности (природы, Абсолюта, традиции): человек оказался ограничен только законами «...воли, которые устанавливает разум»². Нравственный закон гласит: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу всеобщего законодательства»³.

Именно индивидуальная позиция, её превращение (и обязательство этого превращения, **данное человеком самому себе и (как) всему человечеству**) во всеобщие меру и критерий должностования становится пределом человеческих поступков. Следовательно, и ответственность возникает имманентно этому обязательству.

Не стоит, впрочем, говорить о том, что вся суть имманентизации ответственности будет сведена лишь к отсутствию того, кто мог бы принять на себя обязательства или вину вместо действующего

¹ Поппер К. Иммануил Кант – философ Просвещения. URL: http://khazarzar.skeptik.net/books/popper03.htm#_ftn16 (Дата обращения: 28.04.2015).

² Кант И. Основы метафизики нравственности. С. 240.

³ Кант И. Критика практического разума // Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. С. 283.

человека (конечной причины, внешнего онтологического основания). Необходимо здесь принять во внимание то, что субъект в этом движении превращается для самого себя в главную проблему и предмет заботы. Что это означает? Прежде всего И. Кант указывает на то, что нравственный закон – это «пустой закон», поскольку «представляет собой правило, которое а priori определяет только волю в отношении формы её максимы»¹. Таким образом, акцент в разговоре об ответственности в этом ключе смещается с проблемы вменения и принятия её за *последствия* конкретных поступков, то есть – целеположенности, к вопросу об априорных *основаниях* поступков (и согласовании с ними конкретных причин). Поскольку же нравственный закон оказывается безличным и объективным, то есть независимым от индивидуальных особенностей субъекта и ситуации, то и ответственность приобретает двойственный характер. С одной стороны, её понимание становится предельно общим: «...тогда закон, который служит только ради субъективной формы основоположения, можно по крайней мере мыслить как определяющее основание благодаря объективной форме закона вообще»². С другой стороны, ответственность каждый раз определяется заново в отношении к конкретному поступку и обстоятельствам, ему сопутствующих.

Разрешение этой двойственности коренится не в самом нравственном законе, а в зазоре между очевидными внешними обстоятельствами совершения поступка, к которым может быть отнесено всё, что не зависит от воли человека, и законом. И. Макмиллан в этой связи говорит о том, что «единственный способ, которым воля может отделить ответственность от условия, в котором она (ответственность – Д.Т.) обнаруживается уже выбранной иным путём, состоит в том, что всеобъемлющая максима, посредством которой она (воля – Д.Т.) управляет собой, позволяет ей определить конфликт между законом и побудительной причиной как чем-то, за что она отвечает»³. То есть, задача человека будет заключаться в том, чтобы выявить в самом себе «зоны контроля», размещающиеся на границе потенциального (потому что воля в согласии с нравственным законом не позволяет реализоваться склонностям, злой природе, порочным желаниям и т.д.), и актуального (поскольку все

¹ Кант И. Критика практического разума. С. 284.

² Там же.

³ McMullin I. Kant on Radical Evil and the Origin of Moral Responsibility // Kantian Review, Vol. 18, №1, 2013. P. 56.

эти склонности, порочные желания и злая природа уже не просто присутствуют, но и оказывают влияние на человека, например, приводят к появлению «неправильных» максим)¹. Последнее обстоятельство, а именно, способность человеческой воли исходя из действующих причин производить максимы «...противоречащие моральному закону»² становится у И. Канта обоснованием того, почему нравственный закон принимает характер императива. Более того, ответственность возникает ещё и потому, что несмотря на принуждение практического разума «...которое можно назвать внутренним, но интеллектуальным принуждением»³ возможность свободного выбора в пользу субъективных желаний остаётся актуальной. Поэтому И. Кант говорит о том, что, хотя принцип нравственности распространяется не только на людей, но и «...на все нравственные существа, наделённые разумом и волей, включая даже бесконечное существо как высшее мыслящее существо»⁴, характер императива он несёт только по отношению к людям, поскольку «высшие мыслящие существа» наделены святой волей, свободной от субъективных желаний и, следовательно, неспособной делать выбор исходя из них. Основанием ответственности, таким образом, оказывается свобода выбора как исключительно человеческая способность. Но что же под ней подразумевается?

1.3 Свобода выбора

Предлагаемое И. Кантом понимание гораздо сложнее, чем это кажется на первый взгляд: дихотомия «хочу – следую нравственному закону, хочу – нет»⁵. Данная дилемма отражает лишь различие между автономией и гетерономией воли, но принцип ответственности относится именно к первой. Гетерономия воли и оказывается, согласно И. Канту, её зависимостью от внешних объектов, то есть, подчинением тем самым желаниям и склонностям, о которых мы уже некогда говорили выше. Несмотря на то, что в данном случае человек

¹ В данном случае мы исходим из способа концептуализации актуального и потенциального, предложенного Дж. Агамбенем. См. в частности Agamben G. *Potentialities: Collected Essays in Philosophy* // ed. and trans. with an introduction by Daniel Heller-Roazen. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999.

² Кант И. Критика практического разума. С. 285.

³ Там же. С. 286.

⁴ Там же. С. 285.

⁵ См. прим. 1.

как будто делает самостоятельный выбор, фактически он действует по необходимости, в основании его поступков не лежит свобода. Более того, совершённые действия не вменяются ему поскольку, во-первых, вновь отсылают к поискам конечной причинности, лежащей за пределами человеческого контроля, а во-вторых, представляемая в этом случае деятельность человека относится к сфере явлений и перемещает сами внешние исходные причины в прошлое (именно потому они и не подвластны человеку)¹. Совершенно иным образом представляется у И. Канта автономия воли. Она уже не связана со множеством хаотически возникающих вариантов необходимости и конкретными целями, продиктованными обстоятельствами. Это свобода воли в подлинном смысле слова и собственно – основа действий субъекта. Сам мыслитель приводит следующее определение: «Автономия воли есть такое свойство воли, благодаря которому она сама для себя закон (независимо от каких бы то ни было свойств предметов воления)»².

То есть воля потому и оказывается свободной, что не испытывает никакого иного влияния, кроме своего собственного. Но свобода понимается здесь в двояком смысле. С одной стороны, это негативная свобода, то есть простое отсутствие зависимости от любой конкретной целеположенности. С другой стороны, И. Кант выводит представление о свободе в «положительном смысле», более сложное и уже напрямую связываемое с понятием ответственности. Это «собственное законодательство чистого и, как чистого, практического разума»³. Но что означает данная формулировка? На первый взгляд, в ней мы встречаем некоторое противоречие: разговор заходит о свободе и одновременно – об обязательстве нравственного закона⁴. Более того, здесь мы можем заметить двойное противоречие. Так, В.В. Васильев говорит о фундаментальной апории этики И. Канта, подчёркивая, что автономная воля, черпая основания законодательства в самой себе, оказывается таким образом заключённой в сфере нуменального, и, следовательно, не может воздействовать на чувственно обусловленные поступки, поскольку это приведёт к наруше-

¹ Кант И. Критика практического разума. С. 362.

² Кант И. Основы метафизики нравственности. С. 219.

³ Кант И. Критика практического разума. С. 287.

⁴ «...закон имеет силу вовсе не потому, что он убеждает, и вовсе не потому, что он принуждает: закон имеет силу потому, что он обязывает» // Кери-мов Т.Х. Неразрешимости. М.: Академический проект; Трикста, 2007. С. 98.

нию закона естественной причинности¹. Соответственно, теоретически мы можем констатировать возникновение своего рода разрыва между двумя видами обусловленности поступков, но в реальности существование такого строгого разграничения практически невозможно. Более того, этот разрыв, на одном полюсе которого находится гетерономия воли, а на другом – святая воля, как раз и оказывается местом локализации автономной воли.

И. Кант предлагает достаточно простое решение: человек, осознающий себя как «вещь в себе», определяющий себя только *собственным* законодательствующим разумом, в конце концов и создаёт условия (например, психологические, поясняет мыслитель) для того, чтобы воспринимать себя как явление, и именно это «произведение» наделяет естественной причинностью и неизбежной необходимостью действий². Это позволяет Ж.-Л. Нанси констатировать, что «кантовский человек, потомками которого все мы являемся, – это человек, ответственный в своем бытии за себя самого как бесконечную цель»³. Следовательно, ответственность как раз и появляется в этом акте создания и определения свободного выбора, которым, в конечном счёте, устанавливаются и сами пределы долженствования закона. Как кажется, выведенное таким образом понимание универсально, и, соответственно, не может предполагать эмпирических пределов своего действия. Тем не менее, как мы уже отмечали это в самом начале данного параграфа, в открытой Х. Арендт области «банально-го зла» происходит именно такая приостановка.

§ 2 Банальное зло: когда универсальность поставлена под вопрос

Первая инверсия, которую выделяет Х. Арендт в связи с традиционным представлением об ответственности и свободе поступка, заключена в причинах совершения злодеяний. В этом отношении и религиозная традиция и этика И. Канта говорят примерно об одном и том же: человек совершает свободный выбор исходя из нравственного или божественного законодательства, в котором есть чёткие и уни-

¹ Васильев В.В. Неуловимая свобода: проблема оснований этической системы Канта // Философская этика и нравственное богословие: материалы конференции Институт Философии РАН Москва, 29 января 2002 г. М.: Институт философии РАН, 2003. С. 183.

² Кант И. Критика практического разума. С. 362-363.

³ Нанси Ж.-Л. В ответе за существование // Интенциональность и текстуальность. Томск: Водолей, 1998. С. 310.

версальные критерии, позволяющие отличить добро от зла. Однако трагическая история XX века показала, что существуют совершенно непонятные, «переходные» формы, в которых и руководство законодательством, и отказ от него могут привести к одинаково катастрофическим последствиям. Так, особенность феномена «банального зла», описанного Х. Арендт, состоит в том, что оно – бесцельно, но совершается не по незнанию или насильственному принуждению. Однако, речь отнюдь не идёт о «садистской инверсии И. Канта», некогда проанализированной С. Жижеком¹, а о совсем иного рода форме взаимодействия с нравственным законом и ответственностью.

Итак, Адольф Эйхман², который, согласно исследовательнице, репрезентирует «банальное зло», на суде неожиданно объявляет себя последователем кантианской этики. Для Х. Арендт данная позиция кажется по меньшей мере странной, поскольку связана с тем, в чём она категорически отказывала обвиняемому, а именно: «...с человеческой способностью к суждению, которая исключает слепое повиновение»³. Как это ни странно, но Эйхман был способен делать свободный выбор в пользу...отказа от него. Именно в этом и состоит инверсия нравственного закона: «“Под ... словами о Канте я имел в виду, что моральные нормы моей воли всегда должны совпадать с моральными нормами общих законов”. Отвечая на дальнейшие вопросы, он добавил, что читал “Критику практического разума” Канта. И далее пустился в объяснения, что с того момента, как его обязали выполнять “окончательное решение”, он перестал жить в соответствии с кантианскими принципами, что он сознавал это, но утешал себя мыслью о том, что он больше не был “хозяином своих собственных поступков”, что не в его воле было “что-либо изменить”»⁴. Как видно из приведённого высказывания, Эйхман деклари-

¹ См. Жижек С. Кант и Сад: идеальная пара // Трансфер-экспресс, № 3, СПб.: 2000. URL: <http://www.etextlib.ru/Book/Details/47356> (дата обращения: 01.10.2016).

² Адольф Эйхман – оберштурмбаннфюрер СС, во время Второй Мировой войны отвечавший за «депортацию евреев Европы в лагеря смерти, играл активную роль в подготовке и проведении Ванзейской конференции и реализации ее решений по уничтожению евреев» // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/15036> (дата обращения: 10.10.2016).

³ Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008. С. 120.

⁴ Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме.

ровал не отказ от автономии воли в пользу гетерономии (этого отказа не произошло), но отказ совершенно иного свойства: от воления вообще. В такой инверсии, как кажется, присутствует элемент взаимодействия с прежними религиозными (скорее – бытовыми религиозными) традициями, в которых принцип «повинуюсь» выступает в качестве удобной замены любого ответственного и свободного действия. При этом, демонстрируемая Эйхманом инверсия нравственно-го закона происходила в опоре на внешний закон, а не на приказ.

Обратим внимание на то, что Х. Арендт настаивает на разделении закона и приказа¹, и, соответственно на различии между логиками подчинения военного и Эйхмана. Снятие с себя ответственности за содеянное происходит не только по причине того, что человек повинуетсЯ раз и навсегда принятому долгу, а потому что ответственность оказывается рассеянной среди всех тех, кто повинуетсЯ установленному законодательству. В результате, исследовательница выводит формулу «императива Эйхмана»: «Поступай так, чтобы нормы твоих поступков были такими же, как у тех, кто пишет законы, или у самих законов твоей страны»².

Тогда на чём, согласно данной формуле, должен зиждиться принцип ответственности? В этом случае не следует говорить о простом снятии с себя любых обязательств, в угоду другой, высшей распоряжающейся воле. Подобно тому, как рациональный субъект И. Канта следит за тем, чтобы ни малейшая крупинка стечения обстоятельств не смогла пошатнуть твёрдого самоподчинения разума нравственному закону, самообезволиваемый Эйхман несёт ответственность за то, чтобы не допустить законодательной инициативе собственного разума выход за пределы общепринятой (или понимаемой в качестве таковой) законосообразности. Попробуем представить себе, как мог бы звучать вопрос о вменении с точки зрения данной позиции: «Я не виновен в совершённых злодеяниях, поскольку они не были актом моей свободной воли: я лишь делал свою работу. Но я виновен в том, что совершил выбор в пользу отказа от поступков в соответствии со своей свободной волей». Подобные рассуждения проясняют этическую подоплёку заявлений

¹ «Эйхман, ..., по крайней мере смутно понимал, что в преступника его превратил не приказ, а закон. Различие между приказом и словом фюрера заключалось в том, что юридическая сила последнего не ограничивалась ни временем, ни пространством, а приказ имел такие ограничения» // Там же. С.132.

² Там же. С. 120.

Эйхмана о том, что он не виновен по сути обвинений (а, следовательно, и перед лицом закона)¹.

Другое дело, что сама общепринятая законосообразность у Х. Арндт понимается двояко. С одной стороны, всё достаточно просто: исследовательница приводит «...формулировку “категорического императива Третьего рейха” ...: “Поступай так, чтобы фюрер, узнав о твоих поступках, мог тебя за них похвалить”»². То есть, находится высший законодательный разум, в соответствии с моральными воззрениями которого и организуются все поступки. Однако такая форма долженствования (это и показывал Эйхман на допросах) конечна и прекращается вместе с исчезновением или смертью законодателя. В кантианских терминах, правда, речь идёт всего лишь о гетерономии воли – желании личной похвалы. Соответственно, называть данную формулу именно категорическим императивом было бы не совсем верно.

С другой стороны, добавляется более сложный мотив иерархической инверсии долженствования. Х. Арндт показывает, что у нацистов само определение Бога оказалось включённым в военную иерархию, «...поскольку нацисты, указывая — подобно древним “носителям дурных вестей” — на груз ответственности и соответствующую значимость тех, кто должен был выполнять приказы, превратили армию из “адресата приказов”, ... в “носителя приказов”. ...»³. В том же ключе смещается и представление об ответственности. Тот, кто совершает банальное зло не просто повинует, но и хранит, и репрезентирует повиновение, и это становится особой сферой его

¹ Арндт Х. Банальность зла. С. 23.

² Там же. С. 121. Х. Арндт поясняет это положение следующим образом: «Канту и в голову такое прийти не могло: напротив, для него каждый человек, начиная действовать, становился законодателем — используя свой “практический разум”, человек находил моральные нормы, которые могли и должны были стать нормами закона. Но эти бессознательные искажения Эйхмана согласуются с тем, что он сам называл “расхожим Кантом для бедных”. В этом расхожем употреблении от кантианского духа осталось лишь требование, что человек должен не просто подчиняться закону, что он должен пойти дальше и идентифицировать свою волю со стоящей за законом моральной нормой — источником самого закона. В философии Канта таким источником был практический разум, в расхожем употреблении Эйхмана им была воля фюрера» // Там же. С. 120. Эта формулировка близка лозунгу старого советского плаката: «Работай так, чтобы товарищ Сталин спасибо ска- зал».

³ Арндт Х. Банальность зла. С. 29.

ответственности. Такая инверсия оказывается несколько ближе кантианскому пониманию, лишаясь, по крайней мере, внешней ситуационной целеположенности, поскольку, в идеале, несение приказов несравнимо выше любых обстоятельств и иных побудительных причин. Однако устойчивое сочетание свобода-ответственность в этом случае нарушается.

Ещё более ярко момент «исчезновения свободы» – а, следовательно, и кантианских способов вменения ответственности Х. Арендт описала в более раннем эссе «Организованная вина». Идеи, высказанные в данной работе, обрисовывают контуры той позиции, которая и легла в основу концепции банального зла. Для нас здесь наибольший интерес будет представлять ключевая фигура исследования – добропорядочный обыватель, обслуживающий машину массовых убийств. В отличие от Эйхмана, данная фигура – безличный коллективный портрет функционера, занимающего низшие должности. В узком понимании – это своеобразно очерчиваемый круг людей, причастных, то есть, ответственных за совершённые злодеяния. Более широкое понимание оказывается несравнимо сложнее, поскольку ложится в основу всей проблематики исторической ответственности и коллективной вины – в данном случае неотделимых друг от друга. Оно, это понимание, касается построения общего портрета «немца», не сегментированное описанием занимаемых должностей или политической позицией. Именно этот аспект Х. Арендт и пытается понять, представляя картину ответственности.

Итак, безответственная ответственность – как это возможно? «Как политический рассудок человека отказывается понимать “административное массовое убийство”, так на тотальной мобилизации терпит крах человеческая потребность в справедливости. Когда виноваты все, судить в принципе больше некому. Ибо как раз у этой вины отнята даже видимость ответственности, даже чистое притворство»¹. В данном случае нам нужно обратить внимание на один важный момент: в наших обыденных представлениях об исторической ответственности фигурируют как правило именно такие обезличенные общности (народ, этнос, религиозная или политическая группа), осмысление которых в контексте индивидуальной вины практически невозможно, поскольку хронологический взгляд на всё ещё болезненно воспринимаемые события отдалённого прошлого воспроизво-

¹ Арендт Х. Организованная вина // Скрытая традиция: Эссе. М.: Текст. 2008. С. 47.

дит лишь картину безличного вменения. Парадоксальность данного исследовательницей описания состоит в том, что «работа» обезличенности производится именно в условиях «здесь и сейчас», в момент «производства» вины, а не в отдалённом от текущих событий будущем – последнее можно было бы назвать своеобразным ресурсом для формирования представлений об исторической ответственности. Принцип обезличивающей идентификации Х. Арендт помещает в основание политической ответственности, однако делает важное уточнение: политическая ответственность есть та форма ответственности, «которую каждое правительство несёт за все решения своих предшественников, а каждый народ – за свершения и прегрешения прошлого»¹.

2.1 Когда ответственность становится политической

Проблема, которая возникает в связи с подобным рассмотрением политической ответственности заключается в следующем: наше традиционное понимание справедливости (кстати сказать, близкое к кантианской концепции ответственности) требует, чтобы каждый виновный мог получить по заслугам и исходя из степени своей виновности. Но в условиях «всеобщей виновности» такие требования оказываются невыполнимыми. Когда вина распределяется на всех представителей конкретной общности, каждый её член, таким образом, становится носителем ответственности за содеянное, однако те, кто в действительности был причастен к совершению преступлений, избегают причитающегося наказания², в то время как те, кто оказался невиновным в произошедших событиях, подвергаются вменению и наказанию незаслуженно.

Итак, поскольку политическая ответственность оказывается ответственностью надиндивидуальной, обезличенной, она становится тем, что резко противостоит ответственности личной: «Этот термин следует понимать, как противоположный политической ответственности, которую каждое правительство несёт за все решения своих предшественников, а каждый народ за свершения и прегрешения прошлого»³. В то же время личная ответственность может стать производной от политической, заставляя человека, ничего не совершавшего, чувствовать свою вину, добровольно каяться или принимать

¹ Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре // Ответственность и суждение. М.: Издательство института Гайдара, 2013. С. 58.

² См.: Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре. С. 51, 59.

³ Там же. С. 58.

иные действия, направленные на исправление или сглаживание ситуации¹. К примеру, А. Ассман описывает реакцию послевоенных поколений 60-70 гг. на нацистское прошлое: «“Поколение 68-го года” коренным образом трансформировало свой поколенческий проект. ... Некогда двадцатилетним юношам и девушкам теперь стало больше сорока, они начали всерьёз интересоваться реальными жертвами нацистской расовой политики, жившими некогда по соседству с ними. Речь шла уже не об “уничтоженных евреях” как факторе в формировании ролевой модели поколения, а о конкретных людях с реальными именами, судьбами и нередко точными адресами. По инициативе новых студентов на лекциях рассказывалось об изгнании еврейских студентов и профессоров из университета. Далее подключились институты. Молодые врачи устраивали в клиниках выставки об истории своих медицинских учреждений в период национал-социализма; гражданские инициативы выявляли имена депортированных и уничтоженных евреев; они устанавливали контакт – и это было вновь – с родственниками погибших, приглашали их в города прежнего проживания. Политическая агитация и гражданские инициативы обнаружили ту моральную разделительную линию, посредством которой “поколение 68-го года” реагировало на финальную черту, проведённую поколением своих родителей»².

Приведённый нами пример важен не только фактом принятия на себя «поколением 68-го года» ответственности за взаимодействие с прошлым и наследование вины перед жертвами, в нём также показано, как в контексте исторической ответственности изменяется представление об основаниях для понимания личной ответственности. На смену банальному злу и обезличенности приходит совершенно иное понимание – персонификация взаимоотношений с прошлым и сознательная индивидуализация коллективной ответственности даже на уровне повседневных взаимодействий. Нужно заметить, что подобного рода обращения к прошлому могут иметь не только идентификационный, но и социально-конструктивный характер (то есть, они могут способствовать формированию некоторой общности). Однако, такого рода общность, если мы будем становиться на позицию Х. Арендт, всегда остаётся индивидуализированной, «разделённой совместностью», где индивидуальные действия и поступки не рас-

¹ См.: Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре. С. 59; Арендт Х. Коллективная ответственность // Ответственность и суждение. С.208-209.

² Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С.53-54.

творяются в едином целом. Если исследовательница категорически отказывает в праве на существование таким понятиям как «коллективная вина» или «коллективная ответственность»¹, твёрдо отстаивая свою позицию, то речь в данном случае идёт не о той форме, которую мы только что рассмотрели, а о распространении виновности лишь по принципу принадлежности к сообществу (гражданству, этносу и т.д.). В этом случае перед нами вновь возникает проблема «безответственной ответственности» банального зла, однако, мы попробуем взглянуть на неё с иного ракурса.

Там, где политическая ответственность совпадает с ответственностью юридической, то есть в ситуации вменения содеянного конкретным причастным людям, банальное зло становится той областью — мы об этом уже говорили — в которой обязательства повиновения производят инверсию в обыденном способе понимания свободного поступка. Здесь и возникает тот этический раскол, в котором живёт функционер «банального зла», на который обращает внимание Х. Арендт. Исследовательница описывает эту ситуацию следующим образом: «Он (рядовой функционер — Д. Т.) довёл разрыв между личным и общественным, между профессией и семьёй до того, что даже внутри себя уже не способен обнаружить связь меж тем и другим. Если профессия заставляет его убивать людей, то он не считает себя убийцей как раз потому, что делает это не из склонности, а лишь в силу профессии. Сам-то он и мухи не обидит»². Исследовательница добавляет: «Они чувствовали ответственность лишь перед своей семьёй — поскольку перестали бояться Бога, а от мук совести их избавлял функциональный характер их действий»³. Последняя фраза в контексте нашего рассмотрения выглядит особенно интересно, поскольку в ней происходит не только инверсия кантовских представлений, как мы это видели в случае Эйхмана, но демонстрируется полная их приостановка. Парадоксальность этой приостановки заключается в том, что в ней (в отличие от заявления Эйхмана) не предполагалось сознательного отказа от нравственного закона. Вместо этого закон низводился до уровня частной добропорядочности и утрачивал свой универсальный для всего человечества статус.

¹ «Нет такого явления, как коллективная вина или коллективная невиновность; вина и невиновность имеют смысл только в отношении отдельной личности» // Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре. С. 60.

² Арендт Х. Организованная вина // Скрытая традиция: Эссе. М.: Текст, 2008. С. 53.

³ Арендт Х. Организованная вина. С. 52.

Чтобы описать «этический парадокс» в кантианских терминах, нам необходимо вспомнить следующее: во-первых, при функциональном характере деятельности на передний план выходит внешняя причинность поступков, за которую, согласно И. Канту, человек не может отвечать. Соответственно, как и в случае Эйхмана, отказ от воления приводит к тому, что фактор внешней причинности выходит на передний план, и действительно начинает освобождать каждого действующего от любого, как говорит Х. Арендт, свободного и критического суждения. Именно исходя из этого обвиняемые не признавали своей вины, полагая, что само вменение в этом случае несправедливо. С другой стороны, вне безвольного исполнения своих профессиональных обязанностей, данные «обыватели» продолжали придерживаться категорического императива (или его подобия), осознавая свою полную моральную благонадёжность. И вновь действие морального закона оказывается в тупике. Повиноваться и быть «образцовым гражданином» – правильно, совершать целеположенное насилие из склонности или с определённой целью – не правильно, делать всё возможное для поддержания благосостояния своей семьи – долг каждого порядочного человека, подвергать опасности жизнь своих детей, высказывая критические суждения по поводу доминирующего политического порядка – крайне нежелательно. Но, как мы опять же помним, ответственный человек – это человек, способный к выбору. И в противовес всей кантианской позиции выбор действительно производился – в пользу наименьшего зла¹. Этот выбор столь же по своей сути противоречит нравственному закону, сколько тяготеет к тому, чтобы быть объяснённым исходя из него.

В таком контексте, как показывает А. Герцог, ответственность перестаёт быть политической, и наш разговор смещается в область проблематики уголовной вины (нарушения закона)². Более того, если мы продолжим рассматривать политическую ответственность именно в таком контексте, то увидим, что, когда «безответственная ответственность», более не может служить панацеей и оправданием действиям сообщества, проблема политической ответственности становится насущной, например, постфактум. Но теперь она предстаёт в несколько иных практиках и формах. Так, если мы вернёмся к приведённому выше примеру из книги А. Ассман, то можем поместить этот «этический раскол» в основание стратегий «замалчи-

¹ См. Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре. С. 78.

² Herzog A. Hannah Arendt's Concept of Responsibility // Studies in Social and Political Thought, №10, 2004. P. 42.

вания» или отторжения нацистского прошлого, свойственных первому послевоенному поколению¹.

«Безответственной ответственности» функционеров противостоят те, кто как показывает исследовательница, оказался далёк от совершения (квази)морального выбора частного предписания, и, наоборот, предпочёл не действовать или даже обречь себя на добровольную гибель. Именно эти люди в действительности оказались теми, кто в полной мере осознавал свою ответственность за происходящее и невозможность исправить ситуацию (принять ответственность за её развитие). Этот акт одновременного принятия на себя ответственности и невозможности нести ответственность становится тем поворотным моментом, в котором свободный выбор и свободное суждение в полной мере демонстрируют политическое значение ответственности. При подобном прочтении меняется и само понимание ответственности, она больше не зиждется на категорическом императиве и не заковывается в жёсткую броню предписаний и казуистику причинности. Она становится политической, но политической в совершенно ином значении, нежели то, что было описано нами ранее: «Таким образом, ответственность есть связь между индивидуальными деяниями, сообществом и принадлежностью. Политическая жизнь состоит из трансформаций идентичностей посредством индивидуальных поступков»².

2.2 Векторы исторической ответственности

Итак, в ходе нашего рассмотрения мы описали три способа концептуализации ответственности, фактически определяющих векторы проблематизации исторической ответственности. Первый из них – традиционный – привязывающий историческую ответственность к действиям и поступкам, совершаемым в прошлом конкретным лицом, оказывается действенным ровно до тех пор, пока не возникает противоречия между юридической и этической виновностью. Второй – это принцип деятельности, при котором поступки одного человека оказываются тем, что позволяет ему чувствовать, разделять и конституировать свою принадлежность к сообществу. Более подробно мы будем говорить о нём в одной из следующих глав, забегая вперёд заметим, что он также сопряжён с некоторыми трудностями, связанными с определением субъекта, балансированием на границе индивидуального и коллективного. Кроме того, если речь идёт о со-

¹ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. С. 42-49.

² Herzog A. Hannah Arendt's Concept of Responsibility. P. 49.

бытиях, отстоящих по времени слишком далеко для того, чтобы было возможным установить конкретные поступки конкретных людей, то такое понимание ответственности оказывается неудовлетворительным. Наконец, мы имеем дело с политической ответственностью, которая налагается на сообщество по принципу принадлежности. Здесь нужно принять во внимание, что, согласно Х. Арендт, «...политическая ответственность всегда предполагает наличие хотя бы минимальной политической власти»¹. То есть там, где историческая ответственность оказывается устремлённой к будущему, поступки каждого отдельного человека действительно приобретают политический характер, идёт ли речь, например, о бытовой экономии воды, или несогласии с реформированием системы образования. Однако в случае, когда историческая ответственность обращена к прошлому, ситуация выглядит несколько иначе: вменяющая сторона предполагает наличие некоторого подобия власти (исправить ситуацию, признать вину, покаяться, выплатить компенсацию и т.д.) у «носителей вины», пусть даже в качестве таковых подразумеваются абстрактные сообщества (потомков или репрезентантов). Однако этой власти может и не существовать точно также, как может не существовать сообщества, которое ею наделяют. Последнее обстоятельство нужно выделить особо, поскольку адресаты вменения вины, носители ответственности и даже сообщества жертв (если мы имеем дело не с конкретными людьми – пострадавшими и преследователями, а с лицами, чья причастность каким-либо образом декларируется) практически всегда конструируются на основании различных, и порой – разнонаправленных, способов идентификации и самоидентификации. Таким образом, историческая ответственность перемещается из «эпицентра события» в пространство его определения.

Рекомендуемая литература:

1. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008. 288 с.
2. Арендт Х. Коллективная ответственность // Ответственность и суждение. М.: Издательство института Гайдара, 2013. С. 205-217.
3. Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре // Ответственность и суждение. М.: Издательство института Гайдара, 2013. С. 47-82.
4. Арендт Х. Организованная вина // Скрытая традиция: Эссе. М.: Текст. 2008. С. 39-56.

¹ Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре. С. 79.

5. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
6. Васильев В.В. Неуловимая свобода: проблема оснований этической системы Канта // Философская этика и нравственное богословие: материалы конференции, Институт Философии РАН Москва, 29 января 2002 г. М.: Институт философии РАН, 2003. С. 166-187.
7. Жижек С. Кант и Сад: идеальная пара // Трансфер-экспресс, № 3, СПб. 2000.
8. Кант И. Критика практического разума // Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. С. 247-459.
9. Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Ч. II. Метафизические начала учения о добродетели // Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. С.761-894.
10. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе // Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. С. 461- 513.
11. Кант И. Основы метафизики нравственности. // Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. С.155-246.
12. Кассен Б. Амнистия и прощение: о разделительной полосе между этикой и политикой [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Михаил Гефтер». URL: <http://gefter.ru/archive/6260>
13. Керимов Т.Х. Неразрешимости. М.: Академический проект; Трикста, 2007.
14. Нанси Ж.-Л. В ответе за существование // Интенциональность и текстуальность. Томск: Водолей, 1998. С. 306-316.
15. Поппер К. Иммануил Кант – философ Просвещения [Электронный ресурс] URL: http://khazarzar.skeptik.net/books/popper03.htm#_ftn16
16. Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <http://www.eleven.co.il/article/15036>
17. Agamben G. Potentialities: Collected Essays in Philosophy // ed. and trans. with an introduction by Daniel Heller-Roazen. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999. 328 p.
18. Blöser C. Degrees of responsibility in Kant's Practical Philosophy // Kantian review, vol.20, №2. 2015. P.183-209.
19. Herzog A. Hannah Arendt's Concept of Responsibility // Studies in Social and Political Thought, №10, 2004. P.39-56.
20. McMullin I. Kant on Radical Evil and the Origin of Moral Responsibility // Kantian Review, Vol. 18, №01. 2013. P. 49-72.
21. Raffoul F. The origins of responsibility. Bloomington, Indianapolis: Indiana University press, 2010. 341 p.

Глава 2.

Историческая ответственность: проблематика и специфика

Выше мы рассмотрели теоретические основания современных представлений об исторической ответственности. Помимо этого, мы обращали внимание на то положение, которое историческая ответственность занимает в современном общественном сознании: она всё время оказывается «между» – политикой и моралью, историей и философией, прошлым и будущим, идентификациями и событиями, не относясь конкретно к какой-либо одной дисциплине или отрасли знания. Подобное «пограничное» состояние делает осмысление исторической ответственности одновременно пластичным, то есть, не привязывает к конкретным теоретико-методологическим или дисциплинарным рамкам, но, с другой стороны, ориентирует нас на осмысление достаточно широкой, многоаспектной проблематики. Учитывая всё вышеизложенное, попробуем дать исторической ответственности следующее определение:

Историческая ответственность – это сложный социальный феномен, выходящий за рамки какого-либо одного тематического или дисциплинарного измерения, предполагающий выстраивание таких отношений по поводу прошлого или будущего, а возможно и двунаправленных отношений, затрагивающих репрезентацию прошлого в будущем, или будущего как проекцию прошлого, которые осуществляются и отдельными людьми, и различными общностями на фоне переживания чувств вины, возмездия, покаяния или признания заслуг, и репрезентируются (главным образом) в нарративных, коммеморальных и политических практиках. Границы между индивидуальным и коллективным в таких отношениях зачастую оказываются размытыми, а правовые и моральные критерии оценок происходящего – затруднительными.

Что означает такая расширенная формулировка? Во-первых, необходимо говорить о темпоральной направленности исторической ответственности: устремляющейся не только к прошлому, но и к будущему, и выступающей по отношению к ним в качестве способа репрезентации. В зависимости от типа темпоральной направленности, об исторической ответственности можно говорить как о проекции, так и о хронологии. Во-вторых, как мы можем заключить из данного определения, историческая ответственность рассматривается вне эссенциалистских концепций, таким образом удаётся избежать

любого возможного редуцирования к «природе ответственности», «сущности истории» и иным вариантам субстантивации. Фактически, не существует каких-либо устоявшихся терминов, практик, методов, к которым она могла бы быть целиком и полностью редуцирована. Более того, мы должны говорить об исторической ответственности как о проблемном поле, смежном для иных (родственных) социальных феноменов. В-третьих, несмотря на то, что чаще всего мы, следуя кантианской традиции, связываем проблематику ответственности с моральными и правовыми предписаниями и запретами, в данном случае акценты оказываются смещёнными в сторону динамичных форм выстраивания отношений как с человеческими, так и с нечеловеческими акторами. В-четвёртых, в данном определении отражается один из наиболее трудных аспектов исторической ответственности, а именно: утверждение субъекта. Поскольку проблематика исторической ответственности касается событий масштабных, то есть, выходящих за рамки взаимодействий двух индивидов, где артикулированными оказываются не только вопросы морали, но политики и истории, субъект конституируется на пересечении индивидуальных и коллективных идентификационных траекторий. В данной главе каждый из выделенных аспектов мы рассмотрим более подробно.

§ 1 Исторична ли ответственность?

Отношение исторической ответственности ко времени оказывается одновременно очевидным и сложным. Очевидность проистекает из нашего обыденного восприятия термина «исторический», отсылающего нас к прошлому, к последовательности некоторых событий. Заметим, что благодаря школьным курсам истории, под историей мы чаще всего подразумеваем не просто прошлое, но прошлое конкретных государств. С другой стороны, об ответственности мы обычно говорим применительно к тем деяниям, поступкам и людям, которые имеют для нас значение здесь и сейчас¹, влияют на ход ак-

¹ «Несомненно, что моральной, юридической и политической целью законодательства при изучении и расследовании инцидентов является определить с осторожностью ("prudence" - в древнем и основном значении этого слова, которое изначально имело смысл "ответственность") степень возложенной ответственности. Необходима ответственность сверху донизу, тем более что мера ответственности заранее не дана и не запрограммирована. Пути prudence немногочисленны и четко не обозначены, а понятия "разумный" и "приемлемый" выступают здесь весьма посредственными и слабыми ориентирами. По сути дела, можно сказать, что в мире всеобщей виновности от-

туальных процессов или позволяют определять характер действий в будущем. Из этого упрощённого понимания, однако, можно сделать достаточно интересный вывод: историческая ответственность – это ответственность, которая принимается за события прошлого, имеющие непосредственное влияние на текущее положение дел и значимость для достаточно больших сообществ, например, государств. Именно такое значение чаще всего мы встречаем в публикациях СМИ или заявлениях политиков, а выводы, которые делаются исходя из этих заявлений, могут послужить основанием для формирования стереотипных представлений о народе, стране, этносе, религиозной группе и т.д. Причём, разговоры об исторической ответственности чаще всего касаются таких масштабных событий как войны, революции, геноциды, оккупации или репрессии. В качестве примера мы можем привести принятую 20.10.2016 Верховной Радой Украины, Верховным Сеймом республики Польши и Сеймом Литовской Республики «Декларацию памяти и солидарности трех парламентов по Второй мировой войне», в которой ответственность за начало Второй мировой войны возлагается и на фашистскую Германию, и на СССР, и кроме того, говорится о необходимости «активизации беспристрастных научных исследований и необходимости сдерживания сил, которые ведут к спорам в наших державах»¹. Данное высказывание интересно нам вот по какой причине: в истории государств, принявших декларацию, имеется немало трагических событий, территориальных споров и взаимных претензий², актуализация которых может

ношение к закону определено и регламентировано. В мире ответственности обязательства субъекта предшествуют и выходят за рамки закона. (В тот и другой мир можно включить греховный христианский мир, в котором больше осуждается грешник, чем сам проступок.) Исполнение ответственных обязательств влечет за собой будущую награду и почести, но может и быть осуждено, если я возьму на себя ответственность за то, за что не имею права брать на себя ответственность» // Нанси Ж.-Л. В ответе за существование. С.308-309.

¹ Рада приняла совместную с Польшей декларацию памяти и солидарности (текст) // URL: <http://www.trust.ua/news/132639-rada-prinala-sovmestnuu-s-polsej-deklaraciju-pamati-i-solidarnosti-tekst.html> (дата обращения: 22.10.2016).

² Одно из последних – споры между Польшей и Украиной по поводу трактовки волинских событий, это отражается даже в способах наименования, используемых в обеих странах: «Волинская трагедия» или «Волинская резня». Ярким примером остроты вопроса служит примечание к статье «Волинская резня» на Википедии: «Эта статья находится в режиме поиска консенсуса. В настоящее время вокруг статьи происходит сложный конфликт

пойти во вред текущим политическим процессам. Манипулирование историей и перекалывание ответственности за активизацию исторических разногласий на внешних игроков призваны для того, чтобы сформировать политическую сплочённость, а также нивелировать уже имеющиеся споры и разногласия.

Но что скрывается за этой кажущейся простотой взаимодействия между ответственностью и историей? Попробуем посмотреть на этот вопрос в двух ракурсах. Первый близок к той позиции, которую мы только что рассмотрели: историческая ответственность – это только один из «видов» ответственности, наряду с моральной или юридической, где сам термин «исторический» служит не более чем предикатом, придающим ей качественное определение. Такое прочтение затрагивает и глубинное основание любой ответственности – этическое долженствование, которое маркирует нормативные, ценностные и дисциплинарные границы её понимания. Однако следует принять во внимание то обстоятельство, что и сами границы, и этическое долженствование находятся в отношениях взаимообуславливающей изменчивости, которая может возникать под воздействием более общих социальных процессов. Нам в данном случае важно принять во внимание следующее положение: рассуждая в подобном ключе, мы можем выделить определённые критерии и условия, позволяющие отделить историческую ответственность от любой другой, и достаточно успешно их применять в различных ситуациях.

участников, из-за которого администраторы перевели её в особый режим. Существенные правки в данную статью разрешается вносить только после их согласования на странице обсуждения статьи. Внесение несогласованных правок может привести к блокировке. См. также соответствующее правило. Текущее содержание статьи может не соответствовать правилам Википедии ВП:ОРИСС и ВП:НТЗ» // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%BB%D1%8B%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D1%8F (дата обращения: 22.10.2016) Ситуацию обострило и принятие польским сеймом 22.07.2016 резолюции о признании событий 1943 на Волыни геноцидом, поддержанной значительным процентом польских граждан, несмотря на предшествующий этому обмен письмами о прощении между украинскими и польскими общественными деятелями, а также выход на экраны в 2016 фильма Войцеха Смажовского «Волынь» // (См. Bracia Ukraińcy. URL: http://www.tokfm.pl/blogi/liberte/2016/07/bracia_ukraincy/1. (дата обращения: 19.07.2016); List Ukraińców do Polaków: Przebaczamy i prosimy o przebaczenie. 2016. URL: <http://wyborcza.pl/1,75968,20181590,list-ukraincow-do-polakow-przebaczamy-i-prosimy-o-przebaczenie.html> (дата обращения: 19.07.2016).

Второй ракурс более сложный, поскольку в нём ставится вопрос об историчности самой ответственности, что, безусловно, очевидно в наш разговор не привносит. Здесь нас также ожидают два варианта понимания: первый предполагает смотреть на ответственность с позиции истории ответственности, подобно прослеживанию исторических хроник, второй же более сложен, он исходит из понимания самой истории как ответственности.

Начнём наше рассмотрение с первого варианта: что означает построить историю ответственности? Во-первых, это означает, что исторической ответственность делает факт наличия истории как некоторой совокупности концептуальных и/или практических трансформаций, которые ответственность и как понятие, и как социальный феномен претерпела за определённый отрезок времени. Но как только мы решим приступить к осуществлению поставленной задачи, нам придётся столкнуться с рядом трудностей. Одна из них будет отсылать к первому из рассмотренных нами выше ракурсов. Действительно, об истории какой ответственности здесь пойдёт речь? От ответа на данный вопрос будет зависеть то, какой тип отношений попадёт в поле нашего зрения. Это может быть история социальной, уголовной, политической и какой только возможно ещё ответственности¹. В этой истории мы сможем выделять этапы, эпохи и знаковые события, определить истоки и причинно-следственные связи, наметить векторы развития в будущем. Но проблема этого подхода будет заключаться в том, что мы не сможем написать историю ответственности «вообще», не конкретизировав её. С этой точки зрения «ответственности вообще» быть попросту не может. Определяя объект своего исследования мы уже задаём теоретико-методологические границы, за рамками которых и в отношении теорий, и в отношении практик выйти уже не сможем.

С другой стороны, нас будет поджидать и другая трудность, связанная с проблемой определения самой истории и её методов. И здесь мы можем предположить, что генеалогия в той её форме, которую предлагает М. Фуко², будет более подходящей методологической позицией.

¹ В качестве примера мы можем привести следующее исследование истории ответственности, см.: Vázquez-Arroyo A. Y. Responsibility in history // Political Responsibility. Responding to Predicaments of Power. New York: Columbia University Press. 2016.

² См. об этом: Фуко М. Ницше, генеалогия, история // Философия эпохи постмодернизма, Минск: Красико-принт, 1996.

Существует и другая возможность, которая позволяет концептуализировать ответственность вне дисциплинарного разделения — это историко-философский анализ, связывающий воедино способы мышления и эпохи. Так, предлагая свой проект по исследованию ответственности, Ф. Раффул говорит: «Цель данной работы — повторно поставить вопрос об ответственности так, как он разрабатывался в пост-ницшеанской континентальной мысли, и исследовать её пост-метафизический, феноменологический и онтологический смыслы, вне её традиционных метафизических интерпретаций как вменимости (accountability) свободному автономному субъекту. Возвращаясь посредством исторической генеалогии к “истокам ответственности”, следуя “долгой истории истоков ответственности”, о которых Ницше говорит во втором эссе “Генеалогии морали”, я попытаюсь показать возникновение пост-метафизических смыслов ответственности в работах таких континентальных мыслителей как Ницше, Сартр, Левинас, Хайдеггер и Деррида»¹.

Какой бы вариант мы не выбрали, нам придётся принять во внимание одно важное обстоятельство: мы будем говорить о внешнем по отношению к ответственности составлении истории, придании ей искусственной временной протяжённости и наделении её смыслом, актуальным на сегодняшний день. Тогда историческая ответственность — это искусственно создаваемая ответственность, обосновывающая наличие каких-то существующих в настоящее время концепций и практик, но не оказывающая влияния на текущие деяния и процессы. Иначе говоря, она показывает, как ответственность конституируется в прошлом, но ничего не говорит о том, как прошлое может быть рассмотрено сквозь призму ответственности. Мы, говоря словами Ж. Деррида, лишь «онтологизируем останки»².

Подобно тому, как мыслитель описывает ввод в присутствие тела-вещи короля, мы будем наделять присутствием «осколки» или «истоки» ответственности. Однако Ж. Деррида вводит и ещё один фактор, а именно — скорбь: «Прежде всего, скорбь. Мы и будем говорить только о ней. Она всегда состоит в попытке онтологизировать останки, сделать их присутствующими, а в первую очередь — идентифицировать прах и локализовать мертвых (всякая онтологизация, всякая семантизация — философская, герменевтическая или

¹ Raffoul F. The Origins of Responsibility. Bloomington & Indianapolis. Indiana University Press, 2010. P.1.

² Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. М.: Logos-altera, Ecce homo, 2006. С. 22.

психоаналитическая – оказывается вовлеченной в такую работу скорби, но именно поэтому она этого еще не знает»¹. В большинстве своём историческая ответственность связана с работой скорби, искренней или нет – не всегда это оказывается важным и зависит от контекста. Она, эта скорбь, превращается в ответственность только тогда, когда действительно имеет хронологическую привязку, а также конкретных адресатов.

Здесь мы приступаем к рассмотрению второго варианта, который предполагает онтологическое измерение ответственности. Согласно данному подходу, ответственность рождается каждый раз из единичного, конкретного акта человеческих взаимодействий и становится самым способом о-существления этих взаимодействий, а не тем, что является их следствием, как это мы рассматривали выше. По той же причине прилагательное «историческая» уже не может выступать в качестве предиката или придания какого бы то ни было внешнего измерения ответственности во времени и пространстве, как в случае обсуждения сроков давности по отношению к значимым событиям прошлого. Описываемое измерение не имеет своей целью и построения смысловой оси, вокруг которой должно быть выстроено всё наше понимание. Перед нами возникают совсем другая проблема и другой ракурс рассмотрения: показать саму историю как ответственность². Тогда наша задача кардинально меняется: мы более не привязаны к анализу фактов, дат, условий, предписаний и норм, более того, само представление об объективном характере исследования меняется на, казалось бы, полностью ему противоречащий – этический. Парадоксальность такого измерения состоит в том, что будучи лишённой любых внешних критериев измеримости, вменения и оценки как таковых, ответственность превращается в проблему неразрешимую, детерминированную лишь человеческой конечностью. Она не относится к абсолютному, бессмертному, вневременному. Ж. Деррида говорит об этом следующим образом: «ведь только для живых-смертных решение, выбор и ответственность имеют смысл, и притом смысл, который подвергнет испытанию неразрешимое»³. Тогда историческая ответственность из вопроса, адресуемого нами

¹ Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. С. 22.

² В данном случае мы основываемся на позициях Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси, М. Хайдеггера.

³ Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. С.129.

прошлому и будущему как проекциям и хронологии текущего положения дел, превращается в истину бытия, бытие как этос¹.

Как же тогда мы можем определить историческую ответственность? Для того, чтобы ответить на данный вопрос, нам нужно обратиться к той концепции ответственности, которую предлагает Ж.-Л. Нанси: «наше существование нераздельно с существованием ответственности. Мы существуем, по словам Хайдеггера, мы экзистлируем, мы выставлены друг к другу и вместе в мир, в мир, который является ничем иным, как самим этим “выставлением”. Существование – это всегда ответственность существования»². Эта смена способа концептуализации приводит к тому, что теперь историчность как таковая более не является внешней по отношению к ответственности, но становится самым смыслом её становления. Если в начале данной главы мы, говоря о наиболее распространённых подходах к исторической ответственности, отмечали, что некоторое событие прошлого «искусственно» наделяется тем смыслом, который сейчас кажется нам актуальным, то в рамках данной концепции сам процесс «искусственного» наделения смыслом и есть проявление той ответственности, которая составляет наше существование.

Ж.-Л. Нанси в этом случае говорит об «ответственности смысла»³ (мы позволим себе привести здесь достаточно объёмную цитату): «Смысл доступен только через готовность отвечать за него: любой языковой акт, всякое изменение значений содержит антиципацию смысла, его обещание или гарантию того, что должно прийти к другому или к другому во мне, что должно войти в этого другого и стать смыслом только в нем, через него и для него. Таким образом, я не в состоянии располагать смыслом, как будто мне он доступен; невозможен гарантированный запас смысла, трансляцией которого можно довольствоваться, но я обещаю, я заявляю и предвосхищаю в

¹ «Если же в согласии с основным значением слова *ethos* название “этика” должно означать, что она осмысливает местопребывание человека, то мысль, продумывающая истину бытия в смысле изначальной стихии человека как экзистлирующего существа, есть сама по себе уже этика в ее истоке. Мысль эта вместе с тем есть также и не только этика, потому что она онтология. В самом деле, онтология всегда мыслит лишь сущее (*on*) в его бытии. Пока, однако, не осмыслена истина бытия, всякая онтология остается лишена своего фундамента» // Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и Бытие. М.: Республика, 1993. С.216.

² Нанси Ж.-Л. В ответе за существование. С.314.

³ Там же. С. 312.

сообщении смысл, который не есть и никогда не будет “вот” в виде законченной и представимой вещи, будучи всегда иным смыслом и смыслом по-другому, присутствуя как смысл на пути к другому даже внутри меня, эксплицирующий смысл бытия другому, выражаясь через него, рискуя не сотворить смысла или же исказить его у другого и остаться иным, измененным и чужим, существуя как смысл бесконечного-бытия-для-другого»¹.

Это развёртывание смысла и есть, по сути, тот способ, которым феноменологизируется историческая ответственность в общественности и различных социальных практиках. В контексте будущего, проблематики которого мы ещё практически не касались в нашем разговоре, это означает, что мы более привязаны не к прогнозированию последствий, но к тем смыслам, которые могут в связи с этим возникнуть (и реализоваться в конкретных действиях или событиях).

§ 2 Субъекты и акторы

Переход от обращения к вменению ответственности (то есть, сосредоточенности на конкретных событиях, предписаниях, а также виновных, вменяющих им) к ответственности смысла заставляет нас иначе обратиться к проблеме определения субъекта ответственности. Что это означает? Во-первых, здесь нам следует говорить о том, что мы вынуждены отойти от традиционного понимания субъекта как некоторого самотождественного действующего начала, которому ответственность принадлежит наподобие вещи; и он волен распоряжаться ею по своему усмотрению. Хотя, безусловно, такое понимание является одним из наиболее распространённых в настоящее время: мы отмечали это в начале данной главы, когда говорили о разногласиях между разными странами по поводу общего прошлого. Во-вторых, даже если исходить из традиционного понимания субъекта, мы можем столкнуться с определёнными трудностями, ведь историческая ответственность – это постоянное перемещение между индивидуальным и коллективным, различными стратегиями идентификаций, стратегиями и способами организации сообществ. В-третьих, подобное «плавающее» определение субъекта зависит от формы репрезентации исторической ответственности – то есть, того понимания смысла, который организует и человеческие отношения, и способы субъективации, присущие им – такая концепция оказывается частично близкой концепции ответственности Х. Арендт.

¹ Нанси Ж.-Л. В ответе за существование. С. 313.

Итак, представим, что некоторое государство делает заявление о вменении ответственности другому государству за колониальное прошлое, оккупацию, завоевание – тут, конечно, мы можем приводить множество различных примеров и свойственных каждому из них способов формулирования претензий. В какой форме будет представлено это заявление? От имени кого и кем?

Конечно, говорить о том, что «страна» обращается к «стране» будет неверным. Заявление делается от имени государства, правительства, народа или политической партии теми, кто обладает полномочиями на это, то есть, политическими или религиозными деятелями, наделёнными соответствующей властью – как отдельными людьми, например, премьер-министром, так и определёнными сообществами или институтами, такими как парламент, фракции, сейм и т.д., или общественными деятелями, чья «легитимность говорить» также подтверждается, но, на этот раз неофициально. Словом, заявления делают те, кто, как предполагается, не просто уполномочен на подобные действия, но и наделяется официальной же ответственностью, то есть – ответственностью, которая приходит вместе с должностью, начинается с провозглашения и признания этой должности, и заканчивается вместе со сроком нахождения в должности¹. Но подобный способ представления ответственности оказывается характерным для той ответственности, которую мы в первой главе вслед за Х. Арендт называли политической. У этой ответственности есть разные способы концептуализации², но нам в данном случае важно обратить внимание на следующий аспект: политическая ответственность, как и юридическая – это ответственность, всегда конкретизи-

¹ Здесь нам нужно обратить внимание на следующий вопрос: где в действительности заканчивается ответственность? Если мы будем исходить из позиции «ответственности смысла», то с этой точки зрения сама постановка вопроса о «конечности» ответственности попросту абсурдна. С другой стороны, как мы это видели в первой главе, рассматривая интерпретацию Ханной Арендт дела Эйхмана, несовпадение юридических и моральных предписаний и запретов в отношении ответственности могут привести не к тому, что «ответственность исчезнет», а к тому, что смысловые векторы обвинения, наказания и ответственности окажутся разнонаправленными.

² См., например: Ясперс К. Вопрос о виновности: О политической ответственности Германии. М.: Прогресс, 1999; Нисневич Ю.А. Политическая ответственность: институциональная постановка проблемы // Полис. Политические исследования, № 4. 2013; Holmes L. The concept of political responsibility // Durham theses, Durham University. Available at Durham E-Theses Online. 2008. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/3888/> (дата обращения 18.09.2016).

рованная в её носителях: людях и должностях, предполагающая чёткую идентификацию субъектов.

Напротив, контуры исторической ответственности, как мы уже отмечали выше, размываются. Например, Международный уголовный суд рассматривает дела обвиняемых в совершении геноцидов и преступлений против человечества. С одной стороны, речь должна идти об уголовной ответственности, и в этом случае понятными оказываются и логика вменения, и транслируемые смыслы: есть обвиняемые, есть факты, показания свидетелей и жертв, собраны доказательства. Но, с другой стороны, историческая ответственность также провозглашается в отношении этих чудовищных по своей сути событий. Проблема состоит в том, что, как показал в своих исследованиях Дамьен Скалиа, сами обвиняемые не просто отказываются считать себя виновными в совершении геноцида, но, более того, ощущают себя, как это не парадоксально, «жертвами системы» и «продолжающейся войны», в которой другие виновные стороны – то есть те, кто воспринимается нами как сообщества жертв или пострадавших, не понесли наказания. По этой причине, как показывает исследователь, и преступники из Руанды, и преступники из бывшей Югославии едины во мнении, что «международное правосудие является продолжением войны юридическими средствами. Их судебный процесс и годы, проведённые в тюрьме, не послужили какой-либо образовательной цели. Некоторые говорят, что хотели бы вернуться к власти. Все обвиняемые едины в том, что, по их мнению, международное правосудие политизировано и контролируется их бывшими врагами на западе»¹.

То есть, если мы говорим об исторической ответственности как о становлении «ответственности смысла», то в данном случае описывается ответственность за отвержение смысла – «такого не было». Мы уже говорили об этом: несмотря на все имеющиеся доказательства и очевидность преступлений, обвиняемые говорят о том, что эти преступления не имеют отношения к тому, что классифицируется как геноцид. С точки зрения вменяющих, то есть тех, кто видит связь между отдельным деянием и масштабным преступлением против человечества, историческая ответственность будет представлять в качестве негативного смысла и намерения, разделяемого множеством

¹ What 50 War Criminals Have to Say about International Justice. URL: <http://www.justiceinfo.net/en/component/k2/27186-what-50-war-criminals-have-to-say-about-international-justice.html> (дата обращения: 19.09.2016).

единичных участников, однако любая попытка конкретизации оказывается под угрозой ускользания из-за подмены смысла, невозможности взаимодействия с абстрактной общностью – например, этнической группой как таковой.

Обратным примером исторической ответственности как соразделения смыслов, является европейский опыт «консенсуса ответственности» в отношении Холокоста. Здесь уже следует говорить о тех, кто, не совершая преступлений лично, признаёт себя в качестве потомка преступников.

«В течение послевоенных десятилетий одним из фундаментальных факторов в области политики памяти была изолированность процессов в некоммунистической “Западной” и коммунистической “Восточной” Европе. В 1960–1990-е годы в западноевропейских странах постепенно сложился определенный консенсус по поводу прошлого, стержнем которого было признание за Холокостом статуса центрального — и уникального — события XX века. Этот консенсус подчеркивал общую ответственность европейцев за мрачные страницы прошлого. Путь к нему был долгим и трудным. Когда в 1970 году канцлер ФРГ Вилли Брандт опустился на колени перед памятником героям Варшавского гетто, многие в Западной Германии осудили этот поступок. В Австрии в 1980-е годы острую конфронтацию вызвало дело Курта Вальдхайма, обозначившее переход от описания страны исключительно как первой жертвы гитлеровской агрессии к обсуждению вопроса об ответственности австрийцев за преступления нацизма. Франция пережила свой “момент истины” в 1995 году, когда президент Жак Ширак в речи на стадионе “Велодром” признал ответственность французов за депортацию евреев в лагеря смерти в годы Холокоста (“Велодром” — знаковое место, центральный пересылочный пункт этого гибельного маршрута). Своеобразным апофеозом данной тенденции было открытие в 2005 году в самом центре Берлина, у Бранденбургских ворот, гигантского мемориала уничтоженным евреям Европы, построенного по проекту Питера Айзенмана»¹.

То есть, если те, кто непосредственно виновны в устройении геноцида, отрицают свою вину, а те, кто юридически непричастен к этим событиям, её за собой признают, то представления об историче-

¹ Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. URL: <http://gefeter.ru/archive/18391> (дата последнего обращения: 27.09.2016)

ской ответственности оказываются крайне расплывчатыми. Но что означает сам акт провозглашения или отказа от ответственности? Как он влияет на определение субъекта? Здесь мы уже встаём на позицию Ж. Деррида, говорящего о том, что в самом консенсусе, который возникает в акте признания вины, и рождается субъект ответственности¹. Нам нужно сделать пояснение: мы не возвращаемся к концепции, понимающей ответственность как некоторую систему нормативов и предписаний. Мы имеем в виду, что сам акт провозглашения и становится событием ответственности, и, таким образом, ответственное существование одновременно оказывается и осмысленным существованием.

В контексте нашего разговора мы не должны обращать внимание только на две категории субъектов – виновных и жертв – тех, кто провозглашает свою вину, и тех, кто провозглашает свои страдания. Существуют по крайней мере и две другие категории субъектов – непричастные, то есть те, кто говорят о своей отстранённости и от события, и от любого способа идентификации себя и в качестве жертв, и в качестве виновных, – и не соглашающиеся, те, кто оспаривают внешнюю идентификацию: «мы не преступники, а жертвы» или «хоть мы и потомки пострадавших от данного режима, но мы несём ответственность за воспроизводство несправедливости прошлого в настоящем, а значит – мы тоже виновны»². При этом один и тот же человек может декларировать сразу несколько идентификационных векторов, его ответственность, таким образом, оказывается множественной, также, как и ощущение со-причастности к сообществам. По этой причине крайне трудной становится задача унификации вменения, которая нередко возникает, например, в связи с политической ответственностью.

¹ «Субъект ответственности не предшествует речевому акту, но, напротив, этот лишенный самотождественности субъект как таковой возникает в том же самом речевом акте, в котором он на себя эту ответственность берёт» // Деррида Ж. Ухобиографии: Учение Ницше и политика имени собственного. СПб.: Machina, 2012.

² Здесь наша позиция близка исследованию, проведённому Дж. Минини, А. Манути и Дж. Курилиано, в котором были выделены четыре стратегии индивидуального взаимодействия с прошлым: «сомневающееся я», «сознательное я», «защищающееся я», «виктимизированное я». Однако в данном случае мы предполагаем, что формы субъективации могут быть рассмотрены не только индивидуально, но и с позиции сообществ // См. об этом: Mininni G., Manuti A., Curigliano G. Commemorative acts as discursive resources of historical identity // *Culture & Psychology*, № 19(1), 2012. P. 42-43.

К чему может привести подобная категоризация субъектов? Категоризация, весьма условная, поскольку, как мы это уже отмечали выше, содержательно каждая из данных категорий подлежит изменениям вслед за различными способами идентификации. **С этой точки зрения субъекты исторической ответственности – представляют собой, прежде всего, актуализацию и локализацию смыслов, неразделённость и изменчивость которых в конечном счёте и приводит к возникновению исторической ответственности как широкого социального феномена, охватывающего и достаточно большие общности, и различные отрасли социального знания.**

Здесь нужно учитывать следующее обстоятельство: если неразделённость смысла – это, собственно, и есть то, что определяет и организует человеческую совместность, то продуцирование и изменение смыслов происходит в тесном взаимодействии с нечеловеческими акторами – вещами, дискурсами, концептами, которые мы также должны учитывать при рассмотрении исторической ответственности¹.

Рекомендуемая литература:

1. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
2. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. М.: Logos-altera, Esse homo, 2006. 256 с.
3. Деррида Ж. Ухобиографии: Учение Ницше и политика имени собственного. СПб.: 2012. 116 с.
4. Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти [Электронный ресурс] URL: <http://gefter.ru/archive/18391>
5. Нанси Ж.-Л. В ответе за существование // Интенциональность и текстуальность. Томск: Водолей, 1998. С. 306-316.
6. Нисневич Ю.А. Политическая ответственность: институциональная постановка проблемы // Полис. Политические исследования, № 4, 2013. С. 62-74.
7. Рада приняла совместную с Польшей декларацию памяти и солидарности (текст) [Электронный ресурс] URL: <http://www.trust.ua/>

¹ В данном случае мы исходим из концепции диспозитива, предлагаемой Дж. Агамбен. См.: Агамбен Д. Что такое диспозитив? // Что современно? Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2012.

news/132639-rada-prinala-sovmestnuu-s-polsej-deklaraciu-pamati-i-solidarnosti-tekst.html

8. Фуко М. Ницше, генеалогия, история // Философия эпохи постмодернизма, Минск: Красико-принт, 1996. С. 74-97.

9. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и Бытие. М.: Республика, 1993.

10. Ясперс К. Вопрос о виновности: О политической ответственности Германии. М.: Прогресс, 1999. 146 с.

11. Holmes L. The concept of political responsibility [Электронный ресурс] Durham theses, Durham University. Available at Durham E-Theses Online. 2008. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/3888/>

12. Raffoul F. The origins of responsibility. Bloomington, Indianapolis: Indiana University press, 2010. 341 p.

13. What 50 War Criminals Have to Say about International Justice, 2016 [Электронный ресурс] URL: <http://www.justiceinfo.net/en/component/k2/27186-what-50-war-criminals-have-to-say-about-international-justice.html>

Глава 3.

Формы репрезентации исторической ответственности

Теперь, когда мы прояснили вопросы историчности ответственности и способы определения её субъектов, нам следует сказать, что от того, каким образом определяется субъект, какие акторы оказываются влияющими на продуцирование смысла ответственности, и какую направленность – к прошлому или к будущему – принимают человеческие отношения, зависят формы репрезентации исторической ответственности в социальном знании, а также – в практиках.

Как было показано в предыдущей главе, устремлённость к прошлому или к будущему, проективность и хронологичность являются основными характеристиками темпоральной направленности исторической ответственности. На основании данного положения мы и будем выстраивать нашу типизацию. Условно можно выделить три формы репрезентации исторической ответственности: «плата по долгам прошлого», «забота о будущем» и «борьба за восстановление справедливости»¹. Первые две формы предполагают как направленность к прошлому, так и к будущему, тогда как вторая связана только с прошлым.

§ 1 Плата по долгам прошлого

Данную форму репрезентации исторической ответственности можно было бы признать наиболее распространённой. Именно о ней мы говорили, когда рассматривали упрощённое понимание исторической ответственности (вспомним пример с принятием резолюции о начале Второй мировой войны). Основной акцент здесь ставится на последствиях некоторого события, произошедшего в прошлом. Как правило, речь идёт о негативных последствиях. Если устремлённость к будущему означает, что историческая ответственность начинается в актуальном настоящем как некоторая проекция происходящих здесь и сейчас процессов, за которые только предстоит ответить либо самим действующим, либо их потомкам, то устремлённость к прошлому оказывается одновременно и проекцией – поскольку в ней также затрагиваются актуальные социальные процессы – и хронологией.

¹ Mate M.R. Does Historical Responsibility Exist? URL: <http://www.essayandscience.com/article/18/does-historical-responsibility-exist/> (дата обращения: 30.09.2016).

Так как в то же самое время происходит обратный процесс: конституирование истории от настоящего к прошлому. Поскольку же речь идёт о наиболее простом способе понимания исторической ответственности, то основной акцент в данной форме ставится на проблеме вины, её вменении и признании, а также различных последствиях, из такого признания вытекающих. Это могут быть наказание¹, прощение (в данном случае мы будем понимать его как списание долга) или поощрение. Но возникает следующий вопрос: что же в контексте исторической ответственности приобретает большее значение: сами события, или их последствия, которые и заставляют нас ощущать сопричастность произошедшему?

При ответе на данный вопрос оказываются задействованными те философские традиции, которые испанский философ М.Р. Мэйт обозначает как «кантианская» и «гегельянская». Во главу угла кантианской традиции² ставится нарушение различных предписаний, норм и, в более общем смысле, морального долга. Данное понимание, с одной стороны, индивидуализирует вину и ответственность, а, с другой стороны, локализует их в области запретов и предписаний. Тогда нам приходится сталкиваться с достаточно узкой трактовкой событий: их рассмотрение не выходит за пределы хронотопологических рамок произошедшего. Так возникают споры вокруг конкретных фигур и дат, обсуждаются вопросы об установлении или отмене сроков давности для тех или иных преступлений (к примеру, нацистских), выявляются и уточняются детали произошедшего.

Вторую традицию М.Р. Мэйт называет гегельянской³. Основное отличие данной традиции состоит в том, что ракурс рассмотрения меняется: важно не само событие, а его последствия. Тут нам приходится сталкиваться с дилеммой: либо некоторые события или деяния, представляющие собой серьёзное нарушение как таковое, не влекут за собой тяжёлых последствий – то есть они происходят «разово», либо, наоборот, даже незначительное на первый взгляд нарушение может повлечь за собой масштабные трансформации. Когда мы говорим о направленности исторической ответственности к бу-

¹ В связи с вопросом о наказании нужно принимать во внимание вопрос о пропорциональности наказания или размера компенсации совершённой поступку.

² Mate M.R. Does Historical Responsibility Exist? Конечно, в данном случае мы имеем дело с упрощённым пониманием кантианской традиции. Более подробно см. об этом гл. 1. С. 6-15.

³ Ibidem.

душему, то чаще всего имеем в виду именно такую трактовку. Цепная реакция последствий, даже несмотря на то, что часто они не подлежат прямому контролю с нашей стороны, оказываются таким же порождением нашей деятельности. В подобном ключе мы можем осмыслять как небольшие «происшествия», наподобие межличностных ссор, так и важные события, например, политические переговоры, глобальные проблемы и процессы, такие как проблемы разумного потребления природных ресурсов, трансформации систем образования и здравоохранения, и т.д.

Нужно отметить, что в том случае, когда в поле нашего рассмотрения попадает прошлое, обе выделенные М.Р. Мэйтом традиции оказываются задействованными одновременно И вот, мы вмещаем конкретному человеку ответственность за нарушение (отданный или исполненный приказ, принятое решение, вынесенный приговор) и в то же время развёртываем хронологию последствий, переходя от актуальных проблем к таящейся в прошлом причинности, абсолютизируя или подменяя смыслы¹, и в некоторых случаях, даже

¹ Показательным примером данному положению служит расследование расстрела С.И. Карагодина, проведённое его правнуком, Денисом Карагодиным. В частности, в ходе расследования удалось установить имена и должности всех лиц, причастных к расстрелу, от непосредственных палачей до следователей и руководителей горкома, подписывавших расстрельные списки. Примечательно, что в интервью каналу АТ2, на вопрос о том, будет ли он знакомить потомков обвиняемых с результатами расследования, Денис Карагодин ответил следующим образом: «Потомки (при их наличии) – ничем мне не обязаны и ничего мне не должны; равно, как и я им ничего не должен. Я не веду их треккинг принципиально; их появление в "разработке" – это всегда какой-то эксцесс – я именно так это для себя всегда рассматривал, они как эхо следственной нити – не более. Я никогда ничего им не писал и не буду. Если они что-то захотят найти – найдут это и сами; состояние же их сознания – это точно не мой вопрос. Пользуясь случаем, хочу предостеречь любого от посягательства на них; трогать их – недопустимо – они ни в чем не виновные люди. Это моя принципиальная позиция». См. URL: <http://www.tv2.tomsk.ru/real/nazvat-imena-palachey> (дата обращения: 15.11.2016). Также о расследовании расстрела С.И. Карагодина см. URL: <http://blog.stepanivanovichkaragodin.org/> (дата обращения: 15.11.2016); <http://www.svoboda.org/a/27803161.html> (дата обращения: 15.11.2016).

Незадолго до публикации результатов расследования в российском интернете появился текст Владимира Яковлева «Мой дед – чекист и убийца», в котором автор делится с читателями переживанием собственной моральной травмы в связи с раскрытием истории своей семьи. Но если Денис Карагодин ставит своей целью установление объективных фактов о прошлом и

оправдывая злодеяния. Последняя позиция нам знакома по достаточно распространённому на бытовом уровне рассуждению: «да, были репрессии/ “лишние” жертвы/ чрезмерная жестокость, но зато страна “встала с колен”, построены заводы, присоединены новые земли». То есть, задействованными оказываются обе традиции в равной мере, а предпочтения обуславливаются конкретной ситуацией и этической позицией говорящего.

Примером подобной двойственности традиций могут быть недавние споры вокруг установки двух памятников Ивану Грозному: официального в Орле, и альтернативного в Канске. Если первый, «официальный» вариант памятника – бронзовая конная статуя правителя, – должен, по мнению министра культуры, символизировать преемственность эпох российской истории¹, то альтернативный памятник, представляющий собой врытый в землю окровавленный кол, его автор, красноярский художник Владислав Гулятьев, создавал в качестве символического ответа первому. Альтернативный памятник призван обратить внимание на проблему одобрения репрессий: «Кроме вполне очевидной цели облагородить популярное место отдыха горожан, этот кол как бы намекает каждому, что времена, когда убивали просто так и ради удовольствия, не так далеки»². Если официальный подход концентрируется на позитивной стороне конкрет-

юридической их оценке, то Владимир Яковлев акцентирует внимание на последствиях прошлого, обращаясь к их расширенному значению для всех жителей страны: «Нам часто кажется, что лучший способ защититься от прошлого, это не тревожить его, не копать в истории семьи, не докапываться до ужасов, случившихся с нашими родными. // Нам кажется, что лучше не знать. На самом деле — хуже. Намного. // То, чего мы не знаем, продолжает влиять на нас, через детские воспоминания, через взаимоотношения с родителями. Просто, не зная, мы этого влияния не осознаем и поэтому бессильны ему противостоять». // <https://www.facebook.com/search/top/?init=quick&q=%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%20%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%B2%20%D0%BC%D0%BE%D0%B9%20%D0%B4%D0%B5%D0%B4%20%D1%87%D0%B5%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%20%D0%B8%20%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%86%D0%B0&as=0.8965077975299209>

¹ Красноярский художник установил в честь Ивана Грозного окровавленный кол // Lenta.ru – 24.10.2016. URL: <https://lenta.ru/news/2016/10/24/nako/> (дата обращения – 24.10.2016).

² Красноярский художник установил в честь Ивана Грозного окровавленный кол // Lenta.ru – 24.10.2016.

ных деяний (хочется верить, что опричнина к таковым не относится), то альтернативный – на негативных последствиях, не просто влияющих на восприятие прошлого, но актуализирующих наши страхи перед настоящим и будущим. Кроме того, в первом случае мы имеем дело с персонификацией прошлого, тогда как во втором – с детерминацией настоящего.

Но что происходит в том случае, если в контексте исторической ответственности вопросы проявления вины конкретных лиц или сообществ оказываются не самыми значимыми: события слишком масштабны – мы концентрируемся не просто на некоторой пространственно-временной локальности произошедшего, но на становлении социальных процессов, предполагающих значительное количество акторов (как человеческих, так и нечеловеческих), событий, интерпретаций? Причём, если выше речь шла о рассмотрении последствий, то сейчас следует говорить о продолжении данных процессов, их интенсификации в специфических практиках и смыслах. В этом случае мы будем вынуждены отойти от упрощённого понимания исторической ответственности и обратиться к концепции ответственности смысла, что потребует рассмотрения иной формы репрезентации, той, что вслед за Р.М. Мэйтом была обозначена нами как «борьба за восстановление справедливости».

§ 2 Борьба за восстановление справедливости

Чем же данная форма репрезентации отличается от «платы по долгам прошлого», ведь оплата долгов также в какой-то степени предполагает восстановление утраченной справедливости? Дело в том, что здесь мы имеем в виду не наказание или компенсацию, причитающиеся пострадавшим от завершённых событий, а то, что Дж. Риек называет историей, которая не завершается, поскольку ещё сохраняется несправедливость¹. На наш взгляд, в этом случае следует говорить не просто о незавершающейся несправедливости, но о несправедливости воспроизводящейся, поскольку остаются неизменными условия, этому способствующие.

«Борьба за восстановление справедливости» в свою очередь может принимать разные формы. Одной из наиболее интересных, на наш взгляд, является та, что разрабатывается в рамках структурной

¹ Rieck J. A History of Responsibilities. URL: <http://www.digital-development-debates.org/issue-15-responsibility--responsibility-for-the-past--a-history-of-responsibilities.html> (дата обращения: 27.09.2016)

теории. Мы попытаемся проиллюстрировать её концепцией политической ответственности, разрабатывавшейся М. Янг (необходимо заметить, что исследовательница частично соглашается, а частично расходится во взглядах с Х. Арендт¹).

Первое, на что нам следует обратить внимание: М. Янг видит истоки осмысления ответственности не в распределении власти – достаточно привычном для нас способе мышления – но в вопросах функционирования социальных и экономических структур. Основная проблема, которая возникает в связи с рассмотрением исторической ответственности в контексте данного подхода, заключается в том, что с позиции структурного видения ситуации персонализировать виновных, а также выделить собственно сообщества правых и виноватых становится практически невозможно, тогда как сама идея проведения процедуры вменения по отношению к структурам попросту абсурдна. Более того, структуры поддерживаются и воспроизводятся в деятельности множества акторов: и угнетателей, и жертв (то есть, угнетённых). А рассмотрение проблемы несправедливости выходит за рамки детального анализа отдельных событий и происшествий, но концентрируется на изучении длительных социальных процессов и общего характера деятельности людей, вовлеченных в эти процессы.

То есть, историческая ответственность распространяется не только на какое-то определённое сообщество или отдельных лиц, совершавших некоторые действия и принимавших решения, но и на тех, кто этим решениям повиновался, соглашался выполнять приказы, поддерживал воспроизводство ряда норм и практик в своих повседневных действиях, тем самым обеспечивая возможность для того, чтобы несправедливое положение дел продолжалось. Иначе говоря, виновны не только угнетатели, но и жертвы. Такие примеры как социальное расслоение, сексизм, этническая дискриминация – не просто порождение актуальных социальных процессов, но последствия структурного воспроизводства. Основная сложность состоит в том, как именно это воспроизводство или поддержка существующего положения дел осуществляются. М. Янг подводит нас к интересному открытию: то, что мы в настоящее время называем «продолжающейся несправедливостью», в момент осуществления оказывается общепринятым, то есть – нормальным². К примеру, с позиции данной концепции мы можем подойти к изучению вопроса о крепостном праве в

¹ Young I. M. Responsibility and Global Labor Justice // The Journal of Political Philosophy, Vol. 12, № 4. 2004. P. 375-378.

² Ibidem. P. 378.

России и его сокрушительных последствиях, таких как допущение возможности бесплатной (и беспощадной) эксплуатации человеческого труда и различных форм реализации подобной возможности - будь то советские практики изъятия паспортов у колхозников или актуальные на сегодняшний день более «мелкие» практики принуждения подчинённых выполнять неслужебную работу по требованию начальства, такие как вскапывание огородов, осуществление переездов и т.д.

То есть, решение проблемы продолжающейся несправедливости с точки зрения структурной теории будет заключаться не в том, чтобы выявить и предотвратить отклонение от нормы, а в попытке в самой толще «нормального» обнаружить условия для воспроизводства несправедливости и устранить их. Тогда историческая ответственность будет равномерно распространяться и на тех, кто поддерживает сложившиеся условия, и на тех, кто стремится их изменить. Дело, следовательно, состоит не в том, чтобы признать виновными абсолютно всех. Как мы уже говорили об этом, в данном случае ракурс рассмотрения меняется, и акцент на выявлении виновных не ставится. Это положение, достаточно непростое, М. Янг объясняет, основываясь на концепции «разделённой ответственности» Л. Мэйя¹. Если индивиды виновны в совершении конкретных поступков с конкретными последствиями, то в данном случае нужно говорить об общем эффекте всех индивидуальных действий. М. Янг подчёркивает необходимость осознания каждым из участников своего вклада в развитие сложившейся ситуации². Именно такое осознание и способствует решению проблемы и устранению несправедливости.

Следовательно, традиционный хронологический взгляд, предписывающий искать причины и виновных в прошлом, в контексте исторической ответственности может заменяться поиском общего (разделяемого всеми участниками социальных процессов) решения для исправления ситуации. То есть, речь может идти как о конкретных политических практиках и движениях, в том числе, связанных с призывами к публичному покаянию, а также сопутствующему им продуцированию новых идеологических форм, так и об изменении конкретных экономических (например, облегчение доступа к ресурсам для всех категорий граждан) или культурных условий, связанных в том числе, с попытками устранения транслируемых из поколения в поколение стереотипов относительно определённых сообществ или

¹ Young I. M. Responsibility and Global Labor Justice. P. 380.

² Ibidem.

практик. Нужно отметить, что с точки зрения структурной теории плата по долгам прошлого может быть не эффективной не только по причине того, что обнаружить конкретных виновных удастся далеко не всегда, но и потому, что выплата компенсаций или символическое признание виновным определённого сообщества или государства в действительности может не поменять ничего в текущих социальных процессах, в которых условия для воспроизводства несправедливости, таким образом, останутся неизменными.

Вне структурной теории историческая ответственность как борьба за восстановление справедливости принимает иные формы, и оказывается устремлённой к прошлому. В этом случае на передний план выходят те аспекты предъявления счетов за прошлое, которые связаны с требованиями прежде всего моральных компенсаций, борьбой за признание и даже войнами памяти – недавно возникшим политическим феноменом¹. Собственно, сама постановка вопроса подобным образом вновь отсылает нас к уже рассмотренной выше форме «платы по долгам прошлого», однако здесь – в силу специфики «не акцентировать внимание на том, кто в действительности виновен» – историческая ответственность может получать несколько иное выражение, будучи так или иначе артикулируемой и в науках о памяти, и в исследованиях идеологии, и в политических практиках.

Итак, мы будем говорить об исторической ответственности как способе продуцирования сплочённости, борьбе за признание и той форме, которую М.Р. Мэйт называет «фундаментальным жестом деносации». У такого понимания исторической ответственности конечно же существует множество проблем: 1) насколько обоснованными оказываются аргументы тех, кто призывает к восстановлению исторической справедливости или же, наоборот, отвергает предъявляемые требования? Достаточно ли подкреплены требования имеющимися свидетельствами и фактами? Исходя из каких политических позиций эти требования выдвигаются? 2) Когда именно можно говорить о том, что справедливость восторжествовала? Достаточно ли для этого официального акта признания, политического контроля за сохранением памяти о произошедшем², должно ли такое признание быть однократным действием, например, посредством принятия со-

¹ Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. URL: <http://gefter.ru/archive/18391> (дата обращения: 27.09.2016)

² См. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

ответствующего закона? Или требуется инициировать некоторый процесс постоянного воспроизводства практик коммеморации, что приводит либо к появлению политических ритуалов, либо же вновь выводит нас на структурную теорию ответственности¹, предполагающую полное социальное переустройство для того, чтобы не существовало ресурсов для воспроизводства негативного прошлого?

Поскольку в этом случае речь уже идёт не о вине, на передний план выступает совершенно иное понятие – понятие долженствования, которое распространяется на взаимоотношения отдельных людей по поводу прошлого, а также на определённые сообщества, например, жертв или агрессоров. Такого рода долженствование происходит из двух источников: актуальной системы моральных норм и тех политических задач, которые должны быть решены в настоящий момент. То есть долженствование по отношению к прошлому оказывается в то же самое время способом представления текущих интересов, проблем и задач, стоящих перед конкретным сообществом или государством, и в этом отношении постановка вопроса об исторической ответственности содержит в себе определённую долю прагматичности.

Наиболее часто об исторической ответственности приходится говорить в связи с проблемой отношения ныне живущих к погибшим поколениям. Безусловно, что здесь имеется в виду не архаический ритуал почитания предков, хотя и его элементы, облачённые, скажем, в императив «помни своего врага: забыть старые обиды – значит совершить предательство» порой всплывают на уровне повседневных взаимодействий или в популистских высказываниях, или в эпизодах нелегитимной дискриминации, а попытка осмысления травматического опыта прошлого и его преодоления, также как символическое «продление существования» погибших через акты воспоминания и повествования. Такого рода понимание долга было изначально описано в связи с осмыслением Холокоста, когда выжившие говорили о своём чувстве вины перед умершими и о проистекающем из этой вины долге говорить. Достаточно вспомнить позиции, некогда высказывавшиеся П. Леви и Ж. Амери².

¹ Young I. M. Responsibility and Global Labor Justice. Также можно обратиться к исследованиям Й. Галтунга: Galtung J. Toward peaceful worlds. A Guide to Peace // Centre for Peace Studies at Tromsø University Working Papers № 3. Tromsø: Tromsø University, 2002.

² См. например: Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть. М.: Новое издательство, 2015.

В последствии данная форма была распространена на более широкий ряд событий, начиная с обсуждения последствий политики колониализма и заканчивая обращением к личным семейным историям. В современной России также проявились подобные тенденции. Они были аккумулированы по большей части в двух содержательных «направлениях»: реабилитации репрессированных родственников и увековечивания участников Великой отечественной войны.

2.1 Продуцирование сплочённости

Долженствование, как мы уже отмечали выше, может принимать и форму продуцирования сплочённости, и форму борьбы за признание – конечно, обе этих формы оказываются родственными друг другу. Так, в книге «Новое недовольство мемориальной культурой» А. Ассман говорит о том, что «официальная вершина мемориальной пирамиды нуждается в общественной легитимации, то есть в фундаменте, складывающимся из многообразия активности всего общества. Если легитимация отсутствует, и общество не проявляет к данной теме никакого интереса, то приходится говорить о выхолащивании политических ритуалов»¹. К числу функций, которыми исследовательница наделяет политические ритуалы, стоящие на «вершинном уровне мемориальной пирамиды», относится, помимо «формирования консолидированного сообщества» и «субститутивное принятие исторической ответственности»². Являемая в такой своей форме, историческая ответственность означает факт официального принятия на себя обязательств по поводу действий, совершённых предшественниками или предками в прошлом, и, вместе с тем, оказывается фактором, который позволяет людям посредством принятия этой субститутивной ответственности осознать себя как единое целое.

Здесь на передний план выступают такие понятия как «коллективная идентичность», «коллективная память», «историческая память», в конечном счёте начинающие восприниматься как ресурс для такого весьма неоднозначного и даже негативного явления как «историческая политика»³. Историческая ответственность в этом случае оказывается заключённой в своеобразный замкнутый круг: она становится «продуктом» коллективной памяти и вместе с тем – ресур-

¹ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. С. 82.

² Там же.

³ Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. URL: <http://gefeter.ru/archive/18391> (дата обращения: 27.09.2016).

сом, эту память вырабатывающим. В схожей логике А. Ассман описывает мемориальную пирамиду и концепцию воображаемого сообщества Б. Андерсона¹. Как это ни странно, но такая форма исторической ответственности может реализовываться подчас в курьёзных заявлениях, аналогичных, например, прозвучавшему в мае 2016 г. предложению позволить родственникам и потомкам граждан, погибшим в ВОВ голосовать вместо них на выборах в РФ².

Проблема же состоит в том, что формы сплочённости могут вступать в противоречие друг с другом, и если, на что указывает Дж. Олик³, изначально коллективная память понималась как нечто монолитное, основанное на единой истории, то в настоящее время дела обстоят иначе. Уже множественные памяти порождают ситуации множественных ответственностей, которые могут вступать в противоречия друг с другом, даже не смотря на то, что один и тот же человек начинает воспринимать себя частью множества сообществ и, таким образом, субъектом множественной ответственности. В условиях складывающейся конкуренции множественных памятей историческая ответственность превращается в борьбу за признание.

2.2 Борьба за признание

Обращение к данной форме означает, что главная задача, которую ставит перед собой сообщество, заключается в том, чтобы страдания прошлого, наследниками и потомками которого считают себя его представители, не осталось незамеченным, но встало в один ряд с трагедиями иных сообществ, которые становятся широко известными и принятыми на глобальном уровне. Предполагается, что такое признание может повлечь за собой конкретные политические преференции и экономические выгоды, например, через репарации и компенсационные выплаты, но, кроме того, – нивелировать те негативные характеристики, которыми наделяют данные сообщества другие сообщества пострадавших. Как показывает Е. Финкель⁴ в контексте

¹ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. С. 82.

² См., например: На конференции, профинансированной Смольным, предложили дать избирательное право погибшим в войне. URL: <http://www.fontanka.ru/2016/05/20/093/> (дата обращения: 26.09.2016).

³ Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение, Т. 11, № 1, 2012. С. 44.

⁴ Финкель Е. В поисках потерянных геноцидов. // Pro et Contra, Май-август, 2011. С. 125-127.

темы «потерянных геноцидов», такая борьба за признание может иметь своей целью доказать уникальность именно «своего» конкретного события. Или же – историческая ответственность перед пострадавшими предшествующими поколениями воспринимается как ресурс, позволяющий изменить сложившиеся формы восприятия сообщества – «мы едины не как потомки и наследники агрессоров, но как потомки и наследники жертв». Ярким примером здесь может быть вопрос о депортации восточно-пруссских немцев.

2.3 Фундаментальный жест денонсации

Но если инициатива борьбы за признание, как правило, идёт изнутри самого сообщества, и она, следовательно, выполняет и консолидирующую функцию, то такая форма исторической ответственности как «фундаментальный жест денонсации», по мнению М.Р. Мэйта заключается в том, чтобы «встретиться с несправедливостью не в установленном концепте справедливости, но в фундаментальном жесте денонсации»¹. То есть, как показывает автор, речь идёт о ситуациях, в которых представление о несправедливости оказывается не обусловленным ни предписаниями, ни даже самим определением справедливости². Свою позицию М.Р. Мэйт раскрывает на примере аргументации монахов-доминиканцев Б. де Лас Касаса, П. де Кордобы и А. Монтесиноса, выступивших против истребления конкистадорами индейцев. Монахи ставят центральный вопрос о том, существует ли какое-либо предписание, позволяющее жестокое обращение с индейцами, и в конце концов приходят к идее генерализированного представления о человеке и священном долге перед ним³. М.Р. Мэйт говорит о том, что для возможности сохранения в памяти акта несправедливости Б. де Лас Касас взывает к божественной памяти⁴. В этом случае историческая ответственность приобретает трансцендентальное измерение, и если «ответчики» и преступники остаются людьми, то позицию вменяющего занимают уже не собственно пострадавшие, а Бог.

¹ Mate M.R. Does Historical Responsibility Exist? URL: <http://www.essayandscience.com/article/18/does-historical-responsibility-exist/> (дата последнего обращения: 30.09.2016).

² Ibidem.

³ Ibidem. Позицию Б. де Лас Касаса, а также описание проповеди А. Монтесиноса и реакции на неё колониальной администрации можно найти в книге: Лас Касас Б. де История Индий. Л.: Наука, 1968. С.128-140.

⁴ Mate M.R. Does Historical Responsibility Exist?

Историческая ответственность в этой своей форме возникает из переживания несправедливости в ситуации, где существующие представления и о справедливости, и о несправедливости отсутствуют, таким образом, она рождается из самого опыта взаимодействия с уникальным. С другой стороны, обращение к исторической ответственности выстраивается из попытки отрицания порядка, согласно которому кто-то становится жертвой исходя из самого факта своего существования, то есть, существования, легитимирующего насилие. Эта форма исторической ответственности предполагает в то же время и императив сохранения памяти о событии, идущей вразрез с официальной версией истории для того, чтобы позже, в будущем, справедливость могла восторжествовать через признание факта несправедливости в прошлом.

§ 3 Забота о будущем

Здесь происходит весьма интересная трансформация, в которой историческая ответственность принимает форму заботы о будущем, то есть, оказывается не только и не столько тем, что «привязывает» к прошлому, но превращается в то, что направляет ответчиков, обличающих или вменяющих – к будущему. В этом контексте справедливо звучит замечание А. Ассман: «Вина, которую уже нельзя вменить последующим поколениям, превращается в историческую ответственность, служащую предостережением для будущего»¹.

Проблема исторической ответственности как устремлённости к будущему в современном общественном сознании разработана в меньшей степени. Как правило, будущее рассматривается лишь как некоторая экстраполяция произошедшего – выше мы рассматривали это как гегельянское направление ответственности. Будущее, которое воспринимается как грядущее возмездие, обличение или вменение – образ достаточно грозный. Парадоксальность его заключается в том, что в нём предрекается момент, в котором прошлое настигнет ответчиков или их потомков. Это положение можно объяснить следующим образом: прошлое, в контексте осмысления события, может восприниматься как самостоятельный действующий актор, и в метафорической своей форме, где мы оказываемся ввергнутыми в своеобразную эсхатологию ответственности, и будучи конкретизированным во вполне реальных действиях или событиях. Однако если выше мы говорили именно о привязке к прошлому и тем событиям, кото-

¹ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. С.68.

рые уже свершились к настоящему времени, то в отношении будущего подобная привязка исчезает. Историческая ответственность в этой связи рассматривается как акт вменения или признания неминуемого возложения вины постфактум, то есть, уже после совершения некоторых деяний, необходимых для того, чтобы поставленная цель или запланированное состояние были достигнуты. Нужно обратить внимание на то, что кантианский и гегельянский способы понимания ответственности в данной форме также оказываются присутствующими и касаются возможностей предвидения последствий совершаемых деяний, однако предполагается, что данные деяния будут легитимированы и оправданы в будущем – на бытовом уровне мы встречаемся с подобным способом мышления, когда убеждаем себя и окружающих в том, что всё происходит не зря. Каковы же события, оказывающиеся в центре данной формы репрезентации исторической ответственности? Прежде всего следует говорить не об отдельных поступках, а о достаточно значительных деяниях и процессах, таких как реформы и гуманитарные интервенции, различного рода радикальные движения, как, например, политические или религиозные, а также всевозможные социальные эксперименты.

Более того, историческая ответственность как забота о будущем, может принимать мессианские черты. В данном случае мы обращаемся к понятию мессианизма. В контексте исторической ответственности мессианизм предполагает ту долю обязательств, которые принимаются каким-либо сообществом за достижение или установление некоторого политического состояния в других сообществах и даже государствах¹. Это могут быть идеи всеобщей демократизации, пантюркизма, панславизма, перманентной революции – всего того, что предполагает установление некоторого порядка единообразия или Единства, основывающегося на исходном онтологическом основании, будь то общность крови или божественная идея, за счёт при-

¹ В данном случае в трактовке мессианизма мы исходим из позиции, близкой П. Дункану, который определяет мессианизм следующим образом: «Предположение или вера в то, что данная группа избрана для некоторой цели. Близким к этому является взгляд, согласно которому великие страдания, перенесённые группой, каким-либо образом послужат искуплением для самой группы или, возможно, всего человечества» // Duncan P. J.S. *Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After*. London: Routledge, 2000. P.1. П. Дункан указывает, что в настоящее время мессианизм нужно трактовать не только как религиозное, но и как секулярное понятие. Ibidem. P.6.

ложения усилий со стороны какого-то одного, «избранного» агента или актора. При этом исторические основания для возникновения мессианизма исходят из декларации собственных заслуг в прошлом, признания их значимости (подвига, избранности, праведности), величия и отличия от любых других акторов, могущих претендовать на подобные деяния. Иначе говоря, эта форма мессианизма начинает связываться не только с фигурой мессии, но в большей степени с миссией, носитель которой приписывает себе черты мессии.

Но мессианизм может принимать и иную форму, проистекающую из признания собственной (глобальной, универсальной) вины, распространяемой на всё человечество. В контексте исторической ответственности данный подход проявляется не только в религиозных, но и в сугубо светских трактовках. Речь идёт о достаточно распространённом способе осмысления исторической ответственности в аспекте экологической проблематики, в частности, в вопросах изменения климата. Нам данный пример интересен по двум причинам: во-первых, в контексте исследований, проводимых в рамках нашей темы, закономерно ставятся вопросы о том, кого следует в действительности признавать виновным в происходящих изменениях, и на кого следует возлагать обязательства по устранению негативных последствий. Во-вторых, здесь акцентируется внимание именно на единстве вины для всего человечества, и даже поколений. Так, к примеру, Г. Шу говорит о том, что «если то, что казалось нам даром природы превратится в то, что должно иметь цену, они (то есть – предшествующие поколения – Д.Т.) должны были бы добровольно признать, что их доля в этой цене должна быть оплачена. Я не вижу ни единой причины почему они должны считать себя освобождёнными»¹.

Это обращение ко всеобщности, предполагает целый ряд сопутствующих экономических и гуманитарных практик – таких, как, например, достижение равного и справедливого доступа к ресурсам для всего человечества, борьба с бедностью, внедрение зелёных технологий и т.д. То есть, историческая ответственность, понимаемая таким образом, проективна, она напрямую зависит от воплощения или достижения некоторого заранее предопределённого результата или выстроенной модели, но ставит носителей ответственности в

¹ Shue H. SBSTA Technical Briefing: Historical Responsibility. URL: http://unfccc.int/files/meetings/ad_hoc_working_groups/lca/application/pdf/1_shue_rev.pdf (дата обращения: 01.10.16).

двойственное положение. С одной стороны, принятие на себя ответственности за грядущее означает легитимацию или оправдание действий, совершаемых в настоящем¹, с другой стороны, ситуация невозможности реализации (или окончания реализации) порождает актуализацию прошлого и тех форм исторической ответственности, которые уже были рассмотрены нами раньше.

Многообразие форм репрезентации исторической ответственности в современном общественном сознании – это многообразие тех способов проблематизации прошлого или будущего, которые составляют, организуют социальные процессы и разрозненные события в историю, то есть – придают им содержательную, хронологическую и смысловую направленность и созависимость. Однако к какой бы форме репрезентации – «плате по долгам прошлого», «борьбе за восстановление справедливости» или «заботе о будущем» – мы не обращались, важным оказывается следующее положение: выбор формы репрезентации исторической ответственности нужно воспринимать не только как теоретико-методологическую позицию, которая обосновывается той или иной дисциплиной, или политическую стратегию, избираемую индивидами или сообществами, но как ту форму, которая складывается из самого этоса ситуации, первичную по отношению к любому определению или описанию. Если выше мы определяли историю как ответственность, то в данном случае должны говорить о том, что имеем дело с обязательством (скажем это, отчасти следуя за Кантом), налагаемым на каждого из нас.

Рекомендуемая литература:

1. Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть. М.: Новое издательство, 2015. 200 с.
2. Жижек С. Чума фантазий. Харьков: Из-во гуманитарный центр, 2012. 388 с.
3. Красноярский художник установил в честь Ивана Грозного окровавленный кол [Электронный ресурс] // Lenta.ru – 24.10.2016 URL: <https://lenta.ru/news/2016/10/24/nakol/>

¹ Здесь мы можем обратить внимание на теорию этики, основывающейся на едином онтологическом основании, описываемую С. Жижеком. См: Жижек С. Чума фантазий. Харьков: Из-во гуманитарный центр, 2012.

4. Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти [Электронный ресурс] URL: <http://gefter.ru/archive/18391>
5. Лас Касас Б. де История индий. Л.: Наука, 1968. 472 с.
6. Нанси Ж.-Л. В ответе за существование // Интенциональность и текстуальность. Томск: Водолей, 1998. С. 306-316.
7. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение, Т. 11, № 1, 2012. С. 40-74.
8. Финкель Е. В поисках потерянных геноцидов // Pro et Contra, май-август, 2011. С. 123-143.
9. Galtung J. Toward peaceful worlds. A Guide to Peace // Centre for Peace Studies at Tromsø University Working Papers № 3. Tromsø: Tromsø University, 2002. 73 p.
10. Duncan P. J.S. Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After. London: Routledge, 2000. 256 p.
11. Mate M.R. Does Historical Responsibility Exist? [Электронный ресурс] URL: <http://www.essayandscience.com/article/18/does-historical-responsibility-exist/>
12. Rieck J. A History of Responsibilities [Электронный ресурс] URL: <http://www.digital-development-debates.org/issue-15-responsibility--responsibility-for-the-past--a-history-of-responsibilities.html>
13. Shue H. SBSTA Technical Briefing: Historical Responsibility [Электронный ресурс] URL: http://unfccc.int/files/meetings/ad_hoc_working_groups/lca/application/pdf/1_shue_rev.pdf
14. Young I. M. Responsibility and Global Labor Justice // The Journal of Political Philosophy, Vol. 12, № 4. 2004. P. 365 – 388.

Глава 4.

Историческая ответственность как социальное отношение: экономика, право, менеджмент

§ 1 Историческая ответственность как социальное отношение. Практики исторической ответственности

В контексте направленности к прошлому историческая ответственность представляет собой сложное интергенерационное отношение, возникшее между субъектами/общностями на основании их взаимного определения и самоопределения в контексте некоторого исторического события и провоцирующее их дальнейшую практику деятельности с целью достижения результата, определенного всеми участниками как ситуация направленности на искупление реальной или потенциальной вины. Важно, что историческая ответственность имеет, прежде всего, статус социальной связи: она должна пониматься не как знание, воспоминание или отношение к событию прошлого и его последствиям, а как актуальное отношение между участниками события, их потомками. В этом взаиморасположении, где представители разных поколений обнаруживают себя, они обретают новые основания идентичности через создание/вхождение в сообщество отвечающих или требующих ответа. Ответственность, как реакция, как ответ есть всегда акт деятельности, коммуникации, и сама по себе предполагает активность участников сообщества в признании общей интенции деятельности, высвечивает её смыслы и перспективы, определяет инструменты осуществления. Важно, что в условиях взаимодействия вокруг события, имеющего социально-значимые последствия в настоящем, выявляются не только ответствующие, но и вопрошающие – те, перед кем предстоит отвечать.

Отметим, что субъекты ответственности всегда вынуждены сначала оценить степень и характер своего влияния/участия, вернее, участия «своих» /влияния «своих» на историческое событие, то есть констатировать меру исторической вины/виктимности, на основании чего и удастся определить степень обязанности виновных выполнить возникшее требование. Фактически, несмотря на то, что историческая ответственность обращена к опыту прошлого, реализована она может быть только в настоящем. Более того, она как реально возникающее отношение между людьми имеет свою направленность, предполагает выработку некоторого проекта и требует возможности воздействия на будущее. Ориентация на конструирование будущего

является её значимой чертой, поскольку здесь обязанность обнаруживается не просто в актуальной, но и в потенциальной временной парадигме событий. Можно сказать, что реализация исторической ответственности предполагает обязанность перед будущим, предстает как попытка (которая никогда не может быть в полной мере успешной) переиграть, пересмотреть прошлое за счет действий в «сегодня», изменить ход истории *post factum*.

Таким образом, историческая ответственность как отношение предполагает ориентацию на активное освоение и даже пересмотр сложившегося порядка, задает новый порядок, в котором требующие ответа обуславливают практику согласных ответствовать, если только те приняли на себя такое обязательство. В этих отношениях принципиальной особенностью оказывается непременность активной позиции «ответчиков», среди которых могут быть представители разных поколений. До тех пор, пока ответствующий не признает себя таковым (самостоятельно или вынуждено), отношения ответственности в действительности не могут возникнуть, она попросту «не практикуется». Рассмотрим теперь, какие же именно практики позволяют исторической ответственности быть, и в чем их специфика.

Практики исторической ответственности представляют собой воспроизводимые комплексы действий, направленные на конструирование желаемого состояния социальности, создание специфических пространственно-временных комплексов, в которых происходит актуализация сообществ-субъектов ответственности. Человек как часть общности действует целенаправленно, понимая, что эти действия влияют на создание новой истории, определяют перспективные отношения между индивидами/общностями в будущем. Изменение сложившегося положения в пользу жертв (сообщества жертв) или поддержка соответствующего, уже складывающегося состояния действительности, в стремлении избежать перспективной вины оказывается основой практики исторической ответственности, которая проявляется в активной работе со средой.

Сами по себе практики исторической ответственности неодинаковы и могут иметь различные масштабы реализации: работать на уровне отдельного человека, институционализированного и неинституционализированного сообществ (отдельные виновные и жертвы, их близкие; активисты; дискретные слабоорганизованные группы, например, интернет-сообщества; общественные объединения; государственные институты; международные организации). Что особенно интересно, практики реализуются не отдельно ответствующими, сле-

дует учитывать здесь и активность, в которую вовлечены пострадавшие и их объединения разной степени организованности, поскольку реализация исторической ответственности представляет собой совместную констатацию отношения «виновный-жертва» и возникающее при этом намерение пересмотреть такую связь каким-либо образом.

Можно выделить такие особенности практик исторической ответственности как перформативный характер реализации (ориентация на общественную выставленность, публичность, зрелищность); стремление к овладению пространством, его специфическая организация; проективная направленность (направленность на преобразование будущего); полиинструментальность (комбинирование различных техник в одном акте); вовлечение телесности (акты выполняются путем использования тел участников как базового инструмента); нормативность (стремление к легализации и стандартизации); неоднородная плотность субъектов исторической ответственности (одни представители могут быть более активными, нежели другие); наличие финансово-экономической составляющей; кооперационный эффект (способность к собиранию сообществ)¹.

Охватить все многообразие практик исторической ответственности оказывается достаточно непросто именно ввиду большого количества их возможных форм и характера реализующих субъектов. Приведем высказывание публициста А. Самохоткина, иллюстрирующее такую сложность: «Историческая вина не подразумевает коллективную ответственность (в этом некорректном, прямолинейном прочтении и состояла ошибка Х. Арндт), потому что ответственность действительно всегда может быть только личной. Сам факт выплачивания каких бы то ни было компенсаций еще не говорит об ответственности, поскольку эти компенсации выплачивает безличное государство, в то время как ответственность познается на скамье подсудимых»². Приходится не согласиться с мнением автора, поскольку в действительности ситуация намного сложнее. Во-первых, находящийся на скамье подсудимых и юридически понесший ответственность может не считать себя виновным и, следовательно, не испытать

¹ Вострецов Е. Ю., Симонова И. А. Историческая ответственность в полигенеративной среде: версии и инверсии практики // Педагогическое образование в России, № 5, 2015. С. 6 – 12.

² Самохоткин А. Жалость на пути к свободе. Преодоление ресентимента // Интернет-журнал «Михаил Гефтер», 2016. URL: <http://gefter.ru/archive/18613> (дата обращения: 10.11.2016).

чувства ответственности¹. В таком случае оказывается упущенным этический аспект проблемы. Более того, не умаляя виновности осужденных, можно отметить, что, как правило, участниками таких преступлений становится широкий круг людей (солдаты, местное население, помощники и пр.), однако уголовная ответственность во многих случаях для них не наступает, что не исключает возникновения ответственности вне наказания, но на основании этических установок самих ответствующих, это дает им возможность реабилитироваться за содеянное в форме выплаты компенсаций, подарков, иной помощи или через реализацию коммеморативных практик. То же касается случаев, когда в субъект ответственности включены представители поколения, не принимавшего непосредственного участия в событии, на которых не могут и не должны распространяться карательные меры уголовного правосудия, но они юридически, этически и финансово могут нести ответственность (как в случае с выплатами репараций жертвам Холокоста) и способствовать пересмотру отношений с пострадавшей стороной.

В действительности, практикование исторической ответственности может носить очень разные формы: проведение локальных и массовых мероприятий в сфере культуры и науки (конференции, праздники, марши, перформансы, реконструкции и пр.); изменение пространства (музейная практика, мемориалы, именованья объектов городской среды и пр.); судебные разбирательства, исполнение/несение наказаний, законотворческая работа; формы материальной поддержки; создание общественных организаций и многое другое. И везде мы так или иначе обнаруживаем три сущностных составляющих исторической ответственности – этической; правовой, экономической. Если мы хотим в полной мере понимать сложность этого социального отношения, мы должны признать: недопустимо произвольно исключать какое-либо из этих оснований. Однако следует сделать важнейшее уточнение: интенсивность выраженности основания в практиках исторической ответственности обусловлена уровнем организованности субъектов ответственности и ясностью выражения их воли. Потому и характер практик в случае с каждым уровнем может довольно существенно различаться.

¹ Hazan P. What 50 War Criminals Have to Say about International Justice // URL: <http://www.justiceinfo.net/en/component/k2/27186-what-50-war-criminals-have-to-say-about-international-justice.html> (дата обращения: 10.11.2016).

§ 2 Этическое, экономическое, правовое в отношениях исторической ответственности: требование, признание, наказание, осознание

Исследователь А.М. Ямпольская, анализируя философские идеи Ж. Деррида, отмечает, что «Настаивая на абсолютной чистоте дара, Деррида апеллирует к традиции, требующей, чтобы дар прощения оставался вне экономики и вне любой обусловленности... для Деррида наличие условий прощения означает, что прощение оказывается *de facto* вписано в круговорот закона, круговорот экономики и символического обмена»¹. Обращаясь к феномену исторической ответственности, в контексте этой идеи можно сказать, что речь сразу же идет о расчете вопрошающего на выполнение ответствующим некоторых обязательств, выводя разговор из области чистой этики в экономико-правовое поле. Как социальное отношение историческая ответственность возникает только тогда, когда в контексте последствий некоторого исторического события один субъект способен предъявить соответствующее требование другому субъекту, а тот, в свою очередь, идентифицирован, и оказывается в состоянии взять на себя обязательства выполнить эти требования. Особое значение здесь имеет уровень организованности субъектов, поскольку именно от этого зависит характер этических, экономических и правовых составляющих отношения, которое между ними складывается.

Изначальная постановка вопроса об ответственности может возникнуть только если, помимо локальных этических, субъект усматривает для этого какие-то правовые основания: имеется правовая база, опираясь на которую люди могут заключить, что произошедшее – нечто выходящее за границы принятых правовых норм – и в результате случившегося были поправлены их права. Наличие хотя бы минимальных юридических оснований дает возможность субъекту идентифицировать себя как сторону, предъявляющую некую претензию и имеющую право эту претензию предъявить. Запрос обращен к субъекту, также пребывающему в некотором нормативно-правовом поле, на основании которого он может осознать себя как нарушителя прав. И только в ситуации появления общего для всех правового основания, историческая ответственность может быть реализована как

¹ Ямпольская А.В. Прощение между даром и обменом: антипелагианская полемика Августина в контексте философии XX века // Артикульт, 2012, №7(3). С. 10.

актуальное социальное отношение, без этого, по сути, субъекты пребывают в разных системах координат, где один недосягаем для претензии со стороны другого. Так, например, коренные народы, подвергшиеся притеснениям со стороны переселенцев в США и Австралии, смогли поднять вопрос об исторической ответственности угнетателей только когда стали частью общего с ними правового поля, хотя притеснения были для них очевидны с самого начала.

Непременность правовой составляющей исторической ответственности должна быть принята, наряду с непременностью её «экономичности», поскольку в случае таких отношений происходит постулирование задолженности одних перед другими. Принимая на себя ответственность, субъект признает свой след, свою причастность, которая уже артикулирована жертвой, в тоже время субъект, испытавший воздействие, ожидает признания ответчика и считает его обязанным не только согласиться со своей причастностью, но и принять груз работы по устранению последствий, исправить, искупить содеянное. Иными словами, одно сообщество утверждает факт задолженности и требования его компенсации, другое сообщество признает долг и обязанность его возвращения. Здесь важно отметить, что позиция принятия вины ответствующими поначалу рассматривается как самостоятельная ценность, само признание вины и факт «уязвленности», раскаяния по поводу содеянного имеет огромное значение. Проговариваемые эмоции, символическое воздаяние моральной задолженности, раскаяние ценятся как возмещение отчужденных моральных благ. Речь идет об экономии эмоции, когда чувство стыда, сожаления отдается как плата, и именно это становится предметом соответствующего оборота. Требование наказания в этом случае носит «обменный» характер, это требование учинить для ответствующих переживание эквивалентного страдания, то есть срабатывает принцип «страдание за страдание». Однако, во многих случаях наказанию должны были бы быть подвергнуты слишком крупные группы людей, что делает его невозможным, а выборочное наказание оказывается недостаточным и не формирует отношений ответственности в глазах пострадавших. Требование материальной компенсации рассматривается как требование вернуть отчужденные ценности, подсчет же на этом этапе, как правило представляется затруднительным. Вместе с тем, как возможность наказания, так и возможность возвращения благ ограничены отсутствием выработанных инструментов реализации. Таким образом, речь идет о желании достигнуть воспол-

нения некоторой нарушенной целостности, восстановления полноты, утраченной в результате действий ответствующего субъекта. Следует здесь, очевидно, сослаться на архаические принципы нерыночной экономики, описанные М. Моссом: обязанность давать, получать и возмещать, но, однако, не для накопления благ, а для реорганизации, изменения характера отношений между возникающими общностями¹. Отметим, что практика исторической ответственности на этом этапе носит символический характер, связана больше с коммуникацией, с активностью символического, коммеморационного типа. Следует придавать большое значение данному этапу практики исторической ответственности.

Хотя на начальном этапе постановки вопроса об исторической ответственности эти отношения складываются не только на основе требований этики, но также на основе установлений права и принципах экономики. Субъекты таких отношений еще синкретны и нередко представлены «жидкими тождествами», они не институционализированы, не имеют ясной воли и способов её выражения, не обладают необходимым юридическим статусом. Кроме того, неразвитым оказывается и механизм отправления ответственности: отсутствует достаточная нормативно-правовая база, органы, регулирующие отношения и позволяющие обеспечить контроль исполнения ответственности, механизмы возвращения отчужденных благ и критерии оценки успешности взаимодействия субъектов ответственности. Так, Хосе Айяла Лассо, бывший Верховный комиссар ООН по правам человека (1994–1997 гг.) отметил, что «У человека больше шансов попасть под суд и быть осужденным за убийство одного человека, чем за убийство 100 000 человек». Подтверждает необходимость наличия эффективных инструментов и Кофи Аннан, бывший Генеральный секретарь ООН (1997–2006 гг.): «На протяжении почти столетия — приблизительного периода существования Организации Объединенных Наций — Генеральная Ассамблея признавала необходимость учреждения такого Суда для судебного преследования и наказания лиц, виновных в совершении таких преступлений, как геноцид. Многие думали ... что ужасы второй мировой войны — лагеря, зверства, уничтожение людей, Холокост — никогда не повторятся. Однако это произошло. В Камбодже, в Боснии и Герцеговине, в Руанде. Наше время, даже нынешнее деся-

¹ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011.

тилетие, показало, что человеческие возможности совершать зло не знают границ. Геноцид ... является термином нашего времени и также представляет собой отвратительную реальность, которая требует исторического ответа»¹.

И только с возрастанием уровня организованности субъектов, когда происходит уточнение их границ, институционализация и юридическое закрепление прав и обязанностей, правовая и экономическая сущности исторической ответственности получают полноценное развитие в современных формах юридической ответственности и экономических отношений. В качестве примера можно привести непростой путь развития отношений между Германией, как наследницей Третьего Рейха, и жертвами Холокоста. Известно, что, несмотря на работу Нюрнбергского трибунала, в результате которого были осуждены наиболее заметные фигуры из числа нацистов, конфликт между сторонами не был исчерпан, и ситуация отношений исторической ответственности не наступила в полной мере. Мнения пострадавших о необходимости вступать в отношения и привлекать обидчиков к ответственности сильно различались, многие считали недопустимым, например, требовать финансовые компенсации, видели в этом оскорбление памяти жертв нацистского геноцида и содействие реабилитации убийц. Годы ушли на выкристаллизацию субъектов ответственности (например, только в 1951 г. произошло создание единой организации по вопросам материальных претензий The Conference on Jewish Material Claims against Germany, Inc. или Claims Conference взамен целой сети небольших объединений евреев, проживающих в разных частях мира) и оформление ясных требований к выплатам и иным практикам. Этому сопутствовало выступление канцлера ФРГ К. Аденауэр в 1951 году в Бундестаге, который заявил о готовности его правительства обсуждать и регулировать с представителями еврейских кругов и государством Израиль вопросы материальной ответственности за преступления против евреев, которые от имени немецкого народа совершил Третий Рейх². В результате была подготовлена нормативно-правовая база, созданы органы, обеспечи-

¹ Организация объединенных наций // URL: <http://www.un.org/ru/law/icc/overview.shtml> (дата обращения: 10.11.2016).

² См. Марутян А.Т. Финансовые компенсации Германии Еврейству: формирование, процесс, нынешняя ситуация // Фонд «Нораванк», 2008. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=2775 (дата обращения: 10.11.2016).

вающие осуществление выплат, разработаны экономические механизмы работы с компенсациями, найдены резервы для осуществления этих процессов. Начали функционировать государственные и частные программы сохранения наследия печальных событий нацистского прошлого, нацеленные, в том числе, на открытое признание ответственности и выражение дани памяти жертвам. Вместе с тем, возникшие экономические отношения, интегрировались в мировые финансовые процессы, и на сегодняшний день функционируют с учетом требований и условий современной рыночной экономики, имеют соответствующие черты, в том числе, обладают инвестиционным характером. В сознании жертв на сегодняшний день существует устойчивая связь между выплатами компенсаций и признанием чудовищности поступков и тяжести нанесенного морального вреда: «Мы продолжим требовать большей либерализации, чтобы никто из оставшихся в живых жертв Холокоста не остался без признания пережитого, а значит и получения компенсации»¹, – недавно отметил Стюарт Эйзенштат, специальный посредник от Claims Conference в интервью газете «Еврейский мир».

Юридическая ответственность, согласно Т.Л.О. Кязимову, должна быть определена как особое политико-правовое состояние, то есть как принципиальная позиционная определенность проясненных субъектов ответственности в отношении друг с другом. Определяя специфику юридической ответственности, автор отмечает: «Под ответственностью в позитивном её аспекте, обычно в юридической науке понимается осознание личностью своего правового долга перед обществом и отдельными людьми или теми или иными коллективными (общественными) образованиями. Ретроспективной (негативной) юридической ответственностью называют ответственность за деяние, совершенное в прошлом»². Это позволяет выделить два значимых аспекта практики исторической ответственности, когда субъекты достигают высокого уровня организованности: во-первых, речь идет о неотвратимых последствиях в виде наказания, санкций за

¹ Голд М. Компенсации жертвам Холокоста // Еврейский мир: электронная газета, август, 2011 // URL: <http://evreimir.com/71136/zhertyy-holokosta-poluchat-kompensatsi/> (дата обращения: 10.11.2016).

² Кязимов Т.Л.О. Экономическая сущность и правовая природа материальной ответственности в системе других разновидностей (видов) юридической ответственности // Пробелы в российском законодательстве. 2009, № 1. С. 99.

совершенные действия, которые последуют независимо от того, чувствует и признает ли ответствующий свою причастность к событию или нет; во-вторых, актуальное осознание необходимости учитывать опыт прошлого в условиях настоящего, стремление не допускать повторения негативных ситуаций, соблюдение соответствующих прав и выполнение обязанностей в общественных отношениях, в том числе, и в отношениях с субъектами-фигурантами совместного значимого прошлого.

Как показывает Т.Л.О. Кязимов¹, многие исследователи (Лейст О.Э, Баранов В.М., Бабаева В.К. и др.) склонны рассматривать юридическую ответственность исключительно как ретроспективную, поскольку она в этом аспекте имеет нормативное основание, документально закреплена, предполагает институциональную выраженность ответствующих субъектов, пострадавших субъектов и субъектов нормирования. «Не может быть мира без справедливости, справедливости без права и предметного права без суда, который решает, что справедливо и законно в тех или иных обстоятельствах» отмечает Бенджамин Б. Ференц, бывший обвинитель на Нюрнбергском процессе². И важность этого аспекта трудно недооценивать, поскольку именно ретроспективная юридическая ответственность позволяет отправлять правосудие над преступниками, принудить субъектов выполнять финансовые обязательства, реабилитировать ситуацию независимо от желания ответствующих субъектов выполнять требования пострадавших. Этическая компонента в отношениях между ответствующими и пострадавшими в данном случае не имеет никакого значения, эти отношения заменяются отношениями внешнего предписания наказания и компенсации ущерба. Однако, едва ли можно говорить здесь о наступлении полноценной исторической ответственности, поскольку такой подход позволяет только провести некоторую работу с прошлым, констатировать проблему, обеспечить механизмы прямого устранения её последствий, но не имеет проективной направленности, не улучшает настоящее, не обеспечивает ситуацию потенциального улучшения будущего. Признание причастности к содеянному, легитимности налагаемых обязанностей и, что

¹ Кязимов Т.Л.О. Экономическая сущность и правовая природа материальной ответственности в системе других разновидностей (видов) юридической ответственности // Пробелы в российском законодательстве. 2009, № 1. С. 99.

² Организация объединенных наций // URL: <http://www.un.org/ru/law/icc/overview.shtml> (дата обращения: 10.11.2016).

важно, ориентация на актуальную деятельность в области предупреждения проблемы может быть обеспечена только за счет позитивного аспекта юридической ответственности и опоры на этическую установку. По мысли А. Росса: «Значение заложенной в правовую систему обязывающей силы заключается в том, что соответствующие правилам этой системы правовые обязательства (например, обязанность возратить долг) являются не только правовыми обязанностями, вытекающими из угрозы правовых санкций. Они равным образом являются и нравственными обязанностями, вытекающими из естественно-правовых принципов, которые наделяют данную правовую систему валидностью или обязывающей силой. Обязанность повиноваться праву – нравственная обязанность перед правовой системой, а не юридическая обязанность согласно этой системе. Обязанность перед системой не может проистекать из самой этой системы, но должна следовать из правил или принципов, находящихся за рамками системы»¹. Таким образом, важное значение имеет не только обусловленность нормами права, но и признание этих норм, уважение к ним.

Правовые и экономические механизмы выполняют значимую роль, но их значение в разговоре об исторической ответственности ценно не само по себе: они должны не только выполнять карательные, ретроспективные функции, но служить предупреждению трагедий и функционировать в системе с учетом этической составляющей. Историческая ответственность как социальное отношение возникает на основании триединства её оснований – этического, юридического, экономического, потому её успешное практикование лежит в плоскости их сбалансированного использования.

Клаудия Янссен описывает позитивный опыт компании «Фольксваген» по построению новых отношений корпоративной исторической ответственности с жертвами нацизма – подневольными работниками из числа еврейского населения и военнопленных (в том числе и советских). Исследование демонстрирует широкие возможности применения такого «тройного» подхода в практике работы и позволяет сделать вывод, что отлаженная система выплат, которые организация осуществляет как результат судебного предписания, имеет огромное значение, но не является достаточной мерой для построения отношений ответственности. Безусловно, компания дейст-

¹ Росс А. Валидность и конфликт между правовым позитивизмом и естественным правом // Российский ежегодник теории права, № 2, 2009. С. 464-467.

вует в соответствии с требованиями права, но, в действительности, делает намного больше, чем содержит официальное предписание. Организация ведет активную работу с общественным мнением, прибегает к практикам обнародования «некрасивых» данных, поддержке образовательной и просветительской деятельности, содержит волонтерский штаб. Кроме того, ведется непосредственная работа с пострадавшими, фиксируются воспоминания, оказывается не только финансовая помощь, но и моральная поддержка жертвам. Все это позволяет построить новые отношения не только с теми, кто пострадал в результате действий компании в период нацистского режима, но иначе строить отношения с обществом вообще. Корпоративная историческая ответственность не просто один из временных проектов компании «Фольксваген», но важнейшая основа социальной ответственности организации, что, естественно, предполагает выход далеко за пределы обязательных выплат и требует этического отношения к реализации ответственности наряду с другими её аспектами, подталкивает к обсуждению ситуации с жертвами и широкой ответственностью. Автор особо подчеркивает, что для «Фольксваген» важно не просто попытаться загладить вину, но вести работу по предупреждению новых кризисов, что невозможно осуществить, ограничиваясь только рамками судебных предписаний¹.

Таким образом, мы видим, что с повышением организованности сообществ экономико-правовые механизмы начинают функционировать более явно, уровень их развитости повышается. Однако этический компонент не только не вытесняется, но и не теряет своей значимости, приобретает новые перспективы функционирования. Интересно, что именно современная рыночная обусловленность исторической ответственности и принудительность юридических предписаний становится причиной некоторого недоверия и даже критики самой её идеи. Думается, что в ситуации, когда субъектам удастся сохранить этическое содержание, именно экономико-правовое усиление отношений исторической ответственности позволяет её субъектам яснее и активнее репрезентировать себя в общественном пространстве, умножает и делает практики признания вины и компенсации заметными, что позволяет эффективно реконструировать настоящее социума с учетом сложности его исторического наследия.

¹ См. Janssen C.I. Corporate historical responsibility: Addressing a corporate past of forced labor at Volkswagen // Journal of applied communication research. Vol. 41. № 1. February 2013, pp. 64-83.

§ 3 Историческая ответственность в контексте современной теории и практики управления

Основные тенденции в области современного менеджмента определяются характером условий внешней среды – изменчивость, конкурентность, высокие темпы развития, ограниченность ресурсов, потому поиск эффективных управленческих механизмов выходит на передний план. Организация ориентируется на заботу о своем внешнем и внутреннем имидже, стремится повышать уровень вовлеченности работников в дела компании и готовность проявлять активность и инициативу, формировать организационные команды и коалиции¹, повышать лояльность сотрудников и развивать сотрудничество работников разного уровня для достижения единого видения ситуации всеми участниками бизнеса.

Традиционный командный подход, предполагающий использование строгих систем тотального контроля не может обеспечивать руководителя подходящим инструментарием для достижения высоких результатов: он попросту демотивирует работников. Необходимо находить новые ресурсы управления посредством мягких, но эффективных управленческих воздействий, которые способны организовывать и активизировать персонал, повышать уровень его лояльности, не зажимая в тиски контрольных практик.

Как было показано в предшествующих параграфах, историческая ответственность – это интергенерационное отношение, возникшее между субъектами/общностями на основании их самоидентификации и соответствующей координации статуса виктимности в контексте некоторого исторического события. Она оказывается активной формой переживания/проживания социальной памяти и непосредственно определяет дальнейшую практику многих современных социальных субъектов². Представляя собой весьма специфическую социальную связь, историческая ответственность обладает огромным потенциалом в сфере управления, как инструментальная составляющая она великолепно вписывается в общую картину современной управленческой практики и концептуально соответствует наиболее универсальным теоретическим положениям менеджмента. Причиной

¹ Базаров Т.Ю. Предисловие переводчика // Грэхем Х.Т., Беннетт Р. Управление человеческими ресурсами: Учеб. пособие для вузов / Пер. с англ. под ред. Т.Ю. Базарова и Б.Л. Еремина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 6.

² Вострецов Е.Ю., Симонова И.А. Историческая ответственность в полигенеративной среде. С. 6-12.

этого служат два её важнейших свойства: во-первых, востребованным оказывается ярко выраженный эффект собирания сообществ, сопутствующий установлению отношений ответственности; во-вторых, принципиальной её особенностью является обязательность, неременность активной позиции как самих требующих ответственности, так и «ответчиков», среди которых оказываются представители разных генераций.

Историческая ответственность в современном дискретном социальном пространстве срабатывает как определяющая основа самопозиционирования субъекта, результатом которого становятся многообразные вариации достаточно устойчивых сообществ, самостоятельно поддерживающих свою целостность. Именно этот конструкт сегодня оказывает мощнейшее влияние на формирование и практики реального функционирования, например, проектных команд. Особенная прелесть исторической ответственности в её способности становиться инструментом, конституирующим общность естественным образом, как бы собирая её изнутри, «снизу». Ключевым компонентом оказывается готовность активно коммуницировать, реорганизовывать пространство, работая с последствиями прошлого посредством конкретных практик несения ответственности, закрепляемых в системах действия и общения. Такие сообщества обладают мощным преобразующим потенциалом, ориентированы на улучшение реальной действительности, апеллируют к традиции и способны вовлекать и организовывать участников разного пола, возраста, национальной принадлежности, профессиональных установок. В сообщество могут быть вовлечены группы самого разного масштаба – рабочая группа, коллектив, община, населенный пункт, организация, народность, государство. Решения в отношении исторической ответственности будут приниматься уже с учетом определенного опыта, отношение к которому хорошо известно сообществу: вокруг того как сообщество оценивает и проговаривает видение своей ответственности или жертвенности выстраиваются практики его репрезентации в общественном пространстве, так оно демонстрирует себя, что и позволяет ему стать заметным, понятным, а значит и управляемым.

Историческая ответственность сегодня выступает как одно из направлений реализации интересов институций общества: государства, партий, организаций, общественных объединений. Актуализация значимого и, вместе с тем, сложного события прошлого, как требующего некоторого ответа, позволяет начать процесс: формируются общности, обеспечивается социальная интенция, возникает некото-

рая аудитория, готовая действовать. Фактически именно историческая ответственность формирует акторов, и, что важно, социальная динамика, «участливость», в результате стимуляции исторической ответственности не только «спускается» сверху, но формируется в массах, в коллективах. Важнейшим эффектом, который обеспечивает переживание исторической ответственности – это активизация участников общественного процесса, создание осязаемых общественных движений, сплочение разрозненных аморфных индивидов. Полярность позиций не является в этом случае неудобной, напротив – поляризация способствует более очевидной позиционной выставленности участников, заставляет человека как можно скорее определяться с собственным статусом, «принимать меры» для скорейшей демонстрации своего выбора, действовать. Такая полезная напряженность в общественном поле создает ситуацию чуткости, явленности, а значит и управляемости коллективов, которые, однако, сохраняют внутренний, автономный источник активности, не нуждаются в постоянном внешнем стимулировании и контроле. Следует помнить, что если нет субъекта, то нечем и управлять, а создать субъект не так просто. Однако, как было показано выше, такой потенциал у исторической ответственности есть.

Идея апелляции к истории, как мощному инструменту проектирования настоящего и грядущего, оказывается отправной точкой формирования современных политических, аксиологических, культурных, коммуникативных и управленческих доминант, а потому ложится в основу ведущих технологий оформления социальности. Так, А. Марутян, размышляя о возможности использования памяти о прошлом, рассматривает ряд позиций, определяющих перспективы её применения. В том числе, он показывает, что такие авторы как К. Маркс, Э. Хобсбаум, Э. Смит, М. Хальбвахс указывают на прошлое как результат конструирования с учетом целей настоящего, следовательно, можно построить прошлое, которое будет соответствовать потребностям настоящего, обеспечит поддержку существующего в нем порядка. Среди прочего, исследователь отмечает и большой потенциал использования фактов прошлого для узаконивания интересов отдельных групп с целью реализации ряда практических задач. Он ссылается на исследования Ч. Кули, полагавшего, что именно настоящее способно переопределить прошлое, может обеспечить тот порядок восприятия прошлого, который соответствует сегодняшнему запросу. Резюмируя, он отмечает, что эти концепции стремятся освободить настоящее от давления прошлого, постулировать его импера-

тивный характер и сделать прошлое предметом стратегического управления¹. В этом интересном для нас положении кроется суть успешности отношений исторической ответственности, как бы странно это не звучало на первый взгляд, ведь речь, казалось бы, идет об ошибках прошлого. Однако, как показывают исследования К. Янсен, Дж. Коестен, Р.С. Роуланд, К.М. Херит и др., даже самое темное прошлое компании способно лечь в основу развития её потенциала, если она берет курс на поддержание риторики примирения и расплаты за содеянное взамен традиционной практики сокрытия и замалчивания виновности. Ответствующий субъект обязан открыто признавать ошибку, инициировать практики поиска прощения, а также приложить усилия по предупреждению повторения негативных ситуаций в будущем. Так, демонстрируя улики темного прошлого, соотносятся практики реализации ответственности с нанесенным ущербом, обеспечивая открытую коммуникацию с пострадавшими и другими представителями общественности, достигается ряд важнейших задач, стоящих перед современным бизнесом:

- Обеспечивается эффективный диалог между организацией, акционерами, социальной средой и клиентами;
- Совершенствуется маркетинговая позиция субъекта на рынке товаров и услуг;
- Достигается упрочнение позиции на рынке труда, улучшается персонал-имидж организации;
- Корпоративная историческая ответственность переходит в устойчивые формы социальной ответственности;
- Появление корпоративного нарратива, способного сплотить коллектив, формирование позитивной сильной организационной культуры.

Подобный подход успешно применяется рядом германских компаний, например, Даймлер-Крайслер, Фольксваген, Сименс и др. Эти компании занимают хорошие позиции на рынке, а также известны не как нацистские компании, а как представители социально ответственного бизнеса. Здесь мы рассмотрели экстернальный тип корпоративной исторической ответственности, выходящей за границы деятельности субъекта ответственности и не является сугубо корпоративной. В данном случае – ответственность за нацистское прошлое не является исключительной внутренней проблемой этих организаций.

¹ Марутян А. Теоретические вопросы управления памятью // 21-й век, № 1 (5), 2007. С. 137-150.

Вместе с тем, можно говорить и об интернальном типе корпоративной исторической ответственности, когда эпизод в истории компании является частью её личного прошлого, а деятельность по преодолению неприятного эпизода или, напротив, сохранения установившейся в результате случившегося ситуации, направлена на работу с внутренней средой компании. В этом случае, организация прибегает, например, к идеям использования нарративных механизмов формирования и поддержания институциональной памяти и идентичности¹. Историческая ответственность как отношение, связывающее коллектив, формирует нарратив, обуславливающий механизмы сплочения коллектива и создания системы общих ценностей в нем. Отношения ответственности за прошлое дают возможность применить его «... для обоснования легитимности власти, утверждения политического или интеллектуального приоритета, обоснования стабильности, обнаружения божественного предопределения в истории, сравнения прошлого с настоящим с целью показать, что вещи стали хуже или лучше»². Следовательно, необходимо активизировать работу, чтобы улучшить/сохранить/предотвратить результаты исторического события компании. Очень важны здесь идентификационная и командообразующая функции исторической ответственности, которые позволяют членам организации через принятие ответственности лучше понять причастность к компании, ощутить свою значимость и место в её истории. Драматическая составляющая, как правило, позитивно сказывается на лояльности работника к компании, заставляет его быть более активным, заинтересованным в её судьбе. Ш. Линд акцентирует внимание на том, что нарратив приживается в компании, если он не противоречит её организационной культуре. Можно добавить, что попыткам использования исторической ответственности в организации должен предшествовать серьезный анализ среды. В качестве сопутствующих методик рекомендовано применение сторителлинга, коммеморативных практик (создание музея, мест памяти, нейминг территории, определение фигур корпоративных героев, например, отцов-основателей компании, и антигероев и пр.).

Подводя итоги, следует отметить, что историческая ответственность имеет дискурсивную природу, она проговаривается, становится объектом высказывания. Творимый в этом случае дискурс мо-

¹ См. Linde Ch. Working the past: Narrative and institutional memory. N.Y.: Oxford University Press. 2009. P. 249.

² Linde Ch. Working the past: Narrative and institutional memory. P. 3.

жет стать желанным дискурсом обновления¹, который столь необходим организации, чтобы с честью пережить негативное событие (катастрофы, аварии, кризисы, террористические атаки и пр.). Он обуславливает возникновение некоторой дискурсивной общности. Дискурс ответственности, особенно исторической, когда социальность зависит от того как именно мы будем проговаривать историю, вынуждает нас обратиться к анализу власти такого дискурса, оценить практики контроля и избирательности описаний. Историческая ответственность заставляет создавать определенную модель истории, оценивать и связывать события, группировать их, она как бы дисциплинирует особым порядком, исключая те аспекты, о которых лучше было бы забыть, исключить их из смыслового поля субъекта. Управленческий потенциал исторической ответственности пока недостаточно оценен и почти не практикуется на российских предприятиях, однако возможности его применения в отечественных организациях еще предстоит исследовать.

Рекомендуемая литература:

1. Базаров Т.Ю. Предисловие переводчика // Грэхем Х.Т., Беннетт Р. Управление человеческими ресурсами: Учеб. пособие для вузов / Пер. с англ., под ред. Т.Ю. Базарова и Б.Л. Еремина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 598 с.
2. Васильев А. Memory Studies: Единство парадигмы — многообразие объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти) // НЛЮ, 2012, Вып. 117. С.461-480.
3. Вострецов Е. Ю., Симонова И. А. Историческая ответственность в полигенеративной среде: версии и инверсии практики // Педагогическое образование в России, № 5, 2015. 158 с. С. 6-12.
4. Голд М. Компенсации жертвам Холокоста [Электронный ресурс] // Еврейский мир: электронная газета — 2011. Август. URL: <http://evreimir.com/71136/zhertvy-holokosta-poluchat-kompensatsi/>
5. Кязимов Т.Л.О. Экономическая сущность и правовая природа материальной ответственности в системе других разновидностей (видов) юридической ответственности // Пробелы в российском законодательстве. № 1, 2009. С. 98-102.

¹ См. Seeger M.W., Ulmer R.R. Virtuous responses to organizational crises: Aaron Feuerstein and Milt Cole. Journal of business ethics. 2001. 31(4), P. 369-376.

6. Марутян А. Теоретические вопросы управления памятью // 21-й век, № 1 (5), 2007. С. 137-150.
7. Марутян А.Т. Финансовые компенсации Германии Еврейству: формирование, процесс, нынешняя ситуация [Электронный ресурс] // Фонд «Нораванк», июнь 2008. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=2775
8. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс; Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, комментарий А.Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. 416 с.
9. Организация объединенных наций [Сайт] // URL: <http://www.un.org/ru/law/icc/overview.shtml>
10. Росс А. Валидность и конфликт между правовым позитивизмом и естественным правом // Российский ежегодник теории права, № 2, 2009. С. 464–467.
11. Самохоткин А. Жалость на пути к свободе. Преодоление ресентимента [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Михаил Гефтер», май 2016. URL: <http://gefeter.ru/archive/18613>
12. Ямпольская А.В. Прощение между даром и обменом: антипелагианская полемика Августина в контексте философии XX века // Артикульт, 7(3), 2012. С. 1-18.
13. Janssen C.I. Corporate historical responsibility: Addressing a corporate past of forced labor at Volkswagen // Journal of applied communication research. Vol. 41, № 1, February 2013. P. 64-83
14. Hazan P. What 50 War Criminals Have to Say about International Justice [Электронный ресурс] // URL: <http://www.justiceinfo.net/en/component/k2/27186-what-50-war-criminals-have-to-say-about-international-justice.html>
15. Herit K.M. «Mistake were made»: Organization, apologia, and crises of social legitimacy // Communication studies, 46 (1-2), 1995. P. 1-17.
16. Koesten J., Rowland R.C. The rhetoric of atonement // Communication studies, 55 (1), 2004. P. 68-87.
17. Linde Ch. Working the past: Narrative and institutional memory. N.Y.: Oxford University Press, 2009. P. 249.
18. Seeger M.W., Ulmer R.R. Virtuous responses to organizational crises: Aaron Feuerstein and Milt Cole // Journal of business ethics, 31(4), 2001. P. 369-376.

Глава 5.

Историческая ответственность и современная социальная теория

Проблема социальной субъектности в определении исторической ответственности

Проблема определения исторической ответственности заключается в том, что её субъект (индивидуальный или коллективный) полагается уже известным и тождественным реальному сообществу, тогда как действительность вовсе не так однозначна. Обычное толкование исторической ответственности использует ценностные образы коллективной памяти в связке с эмоциями вины или гордости, которые представляют ответчика, то есть, воплощенного в них общественного субъекта. Следствием ценностного определения субъекта является его самотождественность, что влечет за собой (псевдо)юридический вариант вменения ответственности. Однозначность и обязательность юридической нормы приводят нас к унифицированной политической позиции, которую пытаются приписать сообществу, что и является конечной целью высказываний об ответственности. Однако политические отношения всегда предполагают гетерогенность, что и делает однозначную идентификацию коллективного субъекта проблематичной. Чтобы понять многозначность отношений ответственности, необходимо учитывать, что юридическая и моральная оценки представляют собой частные случаи ответственности. Последняя является не только целеполаганием должного (формально абстрактно универсального, но по факту всегда множественного и конкретного), но и вообще ответом, реакцией сообщества на отношения с другими людьми. Следовательно, определение объектов ответственности предполагает наличие той или иной субъектности у социальных акторов, поскольку каждой субъектности соответствует свое понимание ответственности.

Чтобы понять феномен исторической ответственности, необходимо определить онтологические границы того субъекта, которого мы хотим заставить держать ответ. Проблема онтологической организации социальной гетерогенности разрабатывается в нескольких философских и социологических теориях, из которых наибольший интерес для нас представляют социальная монадология Г. Тарда, философия различия Ж. Делеза, акторно-сетевая теория Б. Латура и Д. Ло, теория сборки М. Деланда и теория множества А. Матерона, Э. Балибара, А. Негри, теории социального конструктивизма Б. Андерсона, К. Кастириадиса. Всех этих авторов объединяет онтология

различия, которая фокусируется на процессах становления и их реализации в виде социальных отношений.

Процессы организации, присущие реальности, согласно Ж. Делезу, являются ризоматичными, с децентрализованной структурой, в которой могут установить связь любое отношение и любой объект. Их организация как абстрактно, так и в реальном времени образована сериями повторений и различий, посредством наблюдения которых и выявляются отношения, или смыслы каких-либо действий. К свойствам такого типа онтологической организации относятся:

- множественность (поскольку отношение всегда предполагает нескольких акторов),
- совместность, или сопоставимость части и целого (целое является одной из частей),
- дифференциация (смысл и действие отношения для каждого актора различен),
- ассоциация (в рамках любой связи возможно создание бесконечно разнообразных отношений),
- сингулярность (каждый объект одновременно единичен и множественен, в обоих случаях проявляя различные свойства)¹.

Все эти свойства присущи обществу вообще и каждому сообществу в частности. Важным требованием, которое предъявляется современной социальной теорией, является реализм онтологии общества. **Социальные отношения реализуются в необратимом времени и отличаются самоорганизацией, поэтому интерпретация события не может быть связана с доминированием какой-либо отдельной идеи, ценности, связи, актора, типа деятельности или организации.** Было бы неверно считать, что виновником войны может быть одно отдельно взятое государство или только его правящая верхушка. Также было бы неверно полагать, что исторические события воплощают собой одну логику событий, имеют одну общую причину или цель.

Самоорганизация отношений происходит автоматически под взаимным действием ассоциации и дифференциации и основывается на схожести типических признаков отношений и объ-

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель, 2010. С. 114.

ектов. Благодаря этому общество является множеством, в котором все объекты связаны с друг другом и проявляют бесконечное разнообразие отношений. В самоорганизующейся децентрализованной структуре множественные изменения неизбежны и являются частью воспроизводства отношений. Дифференциация и ассоциация объектов с различными свойствами, их распространение или сжатие, увеличение или уменьшение интенсивности отношений, их воспроизводство или прекращение указывают на пространственное, топологическое строение связей. **Несмотря на принадлежность к обществу как целому, разные части общества по-разному собирают схожие социальные объекты в силу различий локальных условий.** То есть, одни и те же исторические процессы будут по-разному восприниматься различными социальными группами, сообществами и странами¹.

Несмотря на то, что в целом социальные отношения реализуются в необратимом времени, в отдельности каждое из них зачастую обратимо, но их контекст, как на микро, так и на макро уровнях, всегда необратим. Наличие нескольких уровней организации является важной чертой общества, поскольку для каждого уровня характерны разные типы акторов с разными последовательностями причинно-следственных событий. Относительно гипотетического наблюдателя мы можем выделить макро и микро уровни социальной организации: относительно макро уровня индивид оказывается на зависимой позиции части, относительно микро — на независимой позиции целого. Процессы организации больших групп, типа наций, народов, сообществ и т.д., предполагают их в качестве целых, или макрообъектов, тогда как составляющие их малые группы и индивиды — в качестве частей. При этом **любой социальный объект в определенном контексте анализа оказывается целым или частью.** Несмотря на различие макро и микро уровней, они совместны, так как макрообъекты собираются из микрообъектов и могут быть представлены в качестве статистических величин. Сопоставимость целого и части указывает на монадность общества, в котором любая часть может быть целым или способной к образованию разных целых. Один и тот же индивид, взятый как целое микро сообщество, по определенным признакам является частью разных групп и сообществ, оперирует разными типами рациональности, ценностей и поведения. Это говорит о том, что **каждый актор совмещает множество разных субъектно-**

¹ Тард Г. Социология и монадология. Пермь: Гиле, 2016. С. 27.

стей, исходя из которых он оценивает свою ответственность за прошлое и будущее¹.

Учитывая вышеперечисленное, социальные отношения отличается релятивизм, или **относительность их смысла от уровня организации и контекста структуры связей исследуемого объекта.** Поэтому скорость изменений, интенсивность отношений, последовательность реакций для одних и тех же типов акторов в разных ситуациях будут также различны. Вследствие разделения социальных акторов во времени и пространстве, собираемые макротела и процессы исходно могут быть не различимы с позиции наблюдателя, но при этом ретроактивно влиять на события микроуровня, как если бы они заранее были нацелены на это. **Объекты разных уровней организации невоспринимаемы друг другом в качестве законченных субъектов, чьи свойства как целых всесторонне известны.** В связи с этим акторы не столько воспринимают, сколько воображают друг друга, и пусть воображаемые объекты не существуют физически, они реальны, так как вызывают последовательности действий индивидов как физически существующих человеческих тел.

Существование реальных, но не воспринимаемых (а только воображаемых), объектов, которые к тому же являются акторами социальных отношений, выявляет важную проблему нечеловеческого измерения общества. Если ни одна интерпретация отношений не может быть доминирующей, то и дискурс потребностей или ценностей человека также им не является. Это значит, что, хотя **поведение сообщества** предполагает некоторую рефлексию, **его самоорганизация не тождественна мышлению и поведению человека.** Все объекты, включая абстрактные объекты мышления, такие как ценности или типы рациональности, представленные соответствующими нарративами, являются акторами, соединенными сетевыми связями, в которых они проявляют себя автономными от человека. Первичной здесь оказывается не интенция индивида, а сама ассоциация объектов, которая превращает их в социальных акторов².

Если придерживаться последовательного реализма, общество, как коллективный субъект, должно представлять собой какое-то конкретное сообщество, собрание человеческих и нечеловеческих объектов: индивидов и групп. Данное сообщество будет являться мно-

¹ Delanda M. A New Philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity. London: Continuum, 2006. P.12.

² Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом высшей школы экономики, 2014. С.13.

жеством, объединенным разнородными практиками, нарративами, территориями и социальными временами (последовательностями действий). Единство сообщества, предполагаемое в требовании ответственности, оказывается здесь двойственным: с одной стороны, оно полагается необходимым, иначе коллективный ответчик лишается субъектности; с другой – сам должный характер единства указывает на то, что его еще нет. **Единство необходимо, но недостижимо и предполагается в идее ответственности скорее в качестве надежды или пожелания. Как реальное существование, декларируемое единство сообщества предстает одной из форм гетерогенности.** Иначе говоря, сообщество образуется не столько общей идентификацией, сколько совместным существованием разнородностей. В этой совместности всегда присутствует неопределенность, опосредование связей, собирающих субъектность¹. Поэтому, спрашивая об ответственности, прежде необходимо выяснить, как организована совместность: кто отвечает, кому, и какую субъектность можно вменить фактически существующему сообществу.

Сообщества представляют собой статистические группировки частных признаков как собрания, сборки единичностей, или сингулярностей. Условием организации сообщества как сборки единичностей является его монадичность. В качестве сингулярностей выступают любые социальные объекты (группы объектов), и поскольку последовательность частных признаков в каждом отдельном случае отличается, то каждая сингулярность индивидуальна. Чем более общим является уровень анализа сообщества, тем больше можно пренебречь частными признаками составляющих его сингулярностей. Все же, в анализе макрообъектов снятия частных признаков в пользу общих не происходит, так как, что общие, что частные сингулярности остаются индивидуальными и именно в качестве единичностей собираются в сообщество. Реальность существования присуща событию в той мере, в какой оно является единичным, со своей собственной историей собрания признаков и последовательностью отношений.

Таким образом, индивиды и группы, хотя и собираются статистически, действуют как единичности, располагаясь на разных уровнях организации сообщества. Существовая совместно, коллективные и индивидуальные тела (макро и микро объекты) действуют в парал-

¹ Matheron A. Individu et Communauté chez Spinoza. Paris: Minuit, 1988; Balibar E. Spinoza and Politics. London – New York: Verso, 2008. P. 271.

лельных реальностях, а их взаимные переходы напоминают не иерархию социальной структуры дюркгеймовского типа, а ленту Мёбиуса. **С одной стороны, группы представляют собой не более, чем статистическое повторение признаков индивидов. С другой, несмотря на разницу условий существования индивидов, группы, по совокупности признаков, действуют как целые, то есть, акторы, которым можно до некоторой степени вменить (не наблюдаемую непосредственно, а реконструируемую) субъектность.** Это указывает на частноподобный, или самоафинный, характер социальных отношений, поскольку любая сингулярность, включая и само сообщество, оказывается собранием типичных (серийных) признаков (различий). **Индивиды и группы в реальном необратимом времени взаимно опосредуют друг друга, причем, опять же, не системой норм, ценностей или правил, но их автоматическим построением в виде серий повторений и различий**¹.

Сериальность признаков индивидов и групп указывает на то, что идентификация также присуще собственное сингулярное существование: как частных атрибутов и целых единичностей. То есть, абстрактные идентификации и нарративы в качестве единичностей обладают той же реальностью существования, что и тела. Им свойственна самоорганизация и статистическая группировка в реальном необратимом времени, и нарративы идентификаций существуют параллельно человеческим сообществам, воспроизводясь посредством социальной передачи ценностей. То есть, можно сказать, что люди передают идентификации друг другу и создают из них идеологические нарративы, а можно сказать, что, наоборот, идентификации, подобно вирусам, распространяются посредством переносчиков (людей), захватывая их воображение и образуя сообщества нарративов. Конечно, данная точка зрения довольно экзотична, однако аналитически она вполне имеет право на существование. К тому же, история трансляций культурных идентификаций (моды, языков, изобретений), воспроизводство одних и тех же мифологем, идеологем у разных поколений прекрасно иллюстрируют это предположение.

Таким образом, видно, что социальная жизнь представляет собой множество параллельных существований, примерами которых являются индивидуальные, коллективные тела человеческих сообществ и сообщества идентификаций (нарративы). Такая социальность

¹ Thacker E. Networks, Swarms, Multitudes // Communication Theory, 5/18/2004. URL: <http://ctheory.net/printer.aspx?id=423> (дата обращения: 20.10.2016).

не является в полном смысле человеческой, поскольку человеческое существование – лишь одна из многих сущностей, с которыми нам приходится вступать в отношения (пусть и не всегда отдавая себе в этом отчет). Социальными эти отношения делает способ их связи, то есть, ассоциация гетерогенных существований (единичностей), посредством чего они взаимно создают и воспроизводят друг друга.

В связи с этим социальным отношениям присуща подвижность значений, а установление однозначного соответствия является исключением из правил, поскольку любое отношение единичностей может опосредовать другое (отношение). Вот почему **субъектность, индивидуальная или коллективная, так же сингулярна**. В каждом конкретном случае она является определенной, с соответствующими идентификациями и действиями. В то же время, отношения любого единичного актора, посредством которых он участвует в событиях, множественны, следовательно, множественна и субъектность: действия могут не совпадать с идентификациями, точно так же, как различаются собственные представления актора и представления других людей о каком-то событии. Ни у какого воплощения субъектности нет исключительного статуса. Идея какой-либо субъектности является единичным существованием (пусть и абстрактным) и не зависит от ее практического воплощения актором¹.

Теперь давайте посмотрим, как в рамках такого теоретического дискурса можно трактовать историческую ответственность человеческих сообществ. Прежде всего нужно обратить внимание на **совместность исторического существования**. Если история проживается совместно с другими, то **не может быть некоей общей, унифицированной точки зрения на исторические события**. Для каждого актора в общем историческом процессе будет выстраиваться своя последовательность событий и соответствующий нарратив их интерпретации. Граждане соседних стран неизбежно по-разному будут оценивать общие исторические события, и ни одна точка зрения не может быть доминирующей. Другими словами, **историческая память не может быть апроприирована какой-то одной позицией, а все претензии на свою интерпретацию памяти онтологически равнозначны**. Множественность интерпретаций и связанная с ними политическая разнородность неизбежны как факт совместной жизни разных сообществ. Более того, именно совместность разнородных

¹ Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С.98.

людей делает возможным воспроизводство их ценностных идентификаций: «я – другой, мы – они». **Без присутствия других людей с их интерпретацией истории невозможно наше собственное существование и, как следствие, наша точка зрения на исторические процессы.**

Если историческое существование людей совместно и множественно, такой же будет и ответственность за него. То есть, с одной стороны, ни у кого нет «алиби в бытии» (М. Бахтин), каждый причастен к историческому процессу человечества. С другой, человеческое сообщество с его историческим процессом, взятые в целом, невоспринимаемы и несубъективируемы, они только воображаются и подразумеваются в качестве реальных посредством общих понятий. Масштаб и формы участия, его рациональное объяснение, как и ответственность, будут в каждом случае различны, а связь индивидуальных действий с коллективными – неоднозначной. Вследствие того, что отношения в истории являются статистической сборкой единичных событий на разных уровнях организации общества, границы участия акторов сингулярны. Множество актуальных смыслов, содержащихся в отношениях отдельного актора, лишь частично относятся к нему как субъекту или как единичному явлению. Социально наиболее влиятельные смыслы (аспекты отношений) события относятся к более крупным образованиям (макрообъектам) и включают данного отдельного актора в качестве статистической величины наряду с другими. И, наоборот, наиболее значимые для актора смыслы отношений, в которых он выступает субъектом, полагающим реальность, представляют его как конкретного индивида, а не как мало-значительную часть «всеобщих» процессов истории.

Необратимый ход социальных отношений рождается путем взаимной детерминации: большие процессы появляются из подражания индивидов друг другу. Результатом этого, что особенно важно для темы ответственности, является **причинно-следственная неопределенность событий**, а с нею и трудности субъективации конкретных акторов применительно к событию. Иначе говоря, **заранее неизвестно, насколько те или иные процессы, смыслы являются причиной/следствием преднамеренных действий и насколько эти отдельные действия могут быть связаны с индивидуальным или коллективным поведением.** Таким образом, границы событий и участия в них акторов не даны в качестве однозначных фактов, а представляют собой проблему, решение которой, в конечном счете, индивидуально применительно к каждому единичному

актору. Тем не менее, участники событий вполне способны рефлексивно определять (в границах своих систем ценностей) смыслы отношений, передавать и разделять их друг с другом, поскольку разнообразие практик основывается на довольно ограниченном наборе типичных отношений. Это дает нам не только способность к определению и вменению ответственности, но и делает нас конформными по отношению к социальному порядку, сводя рефлексию над ним к опознаванию привычных (а не каких-то иных) отношений.

Отсюда можно заключить, что **проблема ответственности** индивидов и коллективов за совершенные (или предполагаемые в будущем) действия, помимо всего прочего, **является проблемой поддержания социального порядка**. Постоянство последнего, за счет конформности индивидов, удерживает отношения в определенных границах, что позволяет выявлять тип рациональности и действия акторов. Однако, **если источником действий является разделяемый акторами социальный порядок, то смещается их этический выбор**. Конформисты избегают выбора и уклоняются от индивидуальной ответственности, поручая их порядку невоспринимаемого макротела сообщества, лояльность которому также требует ответственности. Эта проблема хорошо известна как «банальность зла»¹. Акторы, совершающие зло, зачастую относительно него не совершают этического выбора (рационально не встают на сторону зла) и не теряются в вихре буруевающих чувств. Они лишь выполняют то, что требует от них социальный порядок, который, в противном случае, может обернуться и против них самих. Между тем, ответственность полагается этическим выбором актора, в связи с чем выбор и осуществляет его субъективацию, создавая то сообщество, которое актер готов принять как свое собственное.

Здесь возникает дилемма: с одной стороны, конкретный поступок совершает конкретный индивид, и внешняя оценка поступка никак не зависит от мотивов актора. Но механическое подчинение исключительно внешнему предписанию (как злumu, так и добруму), без совершения этического выбора – аморально. Поэтому, с другой стороны, важен **источник рациональности, в рамках которой совершается поступок**, а он **оказывается неоднозначным**. Случай, когда индивид рационально совершает этический выбор в пользу зла, (как бы) очеви-

¹ Арндт Х. Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла. М.: Европа, 2008. (О концепции «банального зла» см. более подробно в гл. 1 данного учебного пособия).

ден. В том же случае, когда выбор совершается в пользу предписаний социального порядка, однозначной связи между индивидом и поступком нет, ибо этический выбор совершает воображаемое макротело сообщества, тогда как выбор индивида другой – в пользу конформизма. То есть, когда требования порядка меняются, а происходит это довольно часто и к тому же радикально, люди, творившие «зло», встают на сторону «добра». Однако было бы слишком просто списать ответственность за поступки на анонимный порядок сообщества. Как неоднократно отмечалось выше, сообщество автоматически складывается из индивидуальных поступков и не является простой машиной репрессии безответных индивидов. В этом проявляется монадичность сообщества: поступок коллектива – это поступок индивида, к которому в полной мере применим кантовский категорический императив, но рациональность индивида не принадлежит ему самому, будучи опосредованной невоспринимаемым сообществом.

Другой аспект ответственности связан с проблемой частичности зла, представляющей собой древний парадокс кучи (с какого количества песчинок начинается куча). Событие, которое можно отнести ко злу, не является чем-то простым и однозначным, а состоит из множества различных действий, по разным причинам совершаемых акторами. Так же, как и в случае с банальностью зла, тут присутствует **неопределимость** (и, следовательно, онтологическая невменяемость) **события зла как множества злых поступков**. Каждый отдельно взятый поступок может не содержать зла как такового, исходить из разных типов рациональности, ценностей, быть конформным и т.п. И хотя результат (совершенное зло) говорит сам за себя, однозначная онтологическая связь акторов, поступков и события будет отсутствовать, а, следовательно, будет отсутствовать и субъект ответственности за событие. Но если каждый актер будет ответственным лишь за свой частный поступок, ответственность за событие зла станет не более, чем фигурой речи, ни к чему не обязывающей риторикой.

Здесь необходимо прояснить **различие между событием и поступком**, следствием которого станет **различие воображаемого и воспринимаемого сообществ**, которые по-разному определяют ответственность актора. Событие вмещает все аспекты отношений, которые могут быть выделены в каком-либо действии, а поступок содержит только непосредственный акт. Хотя поступок возможен только благодаря событию, судят, тем не менее, по поступкам. Частью события является **воображаемое сообщество, к которому актер относится так, как если бы оно было реальным и перед которым**

актор ответственен в ходе этического выбора. Воображаемое общество создается при помощи тех ценностей, идеологических нарративов, которые разделяет индивид, благодаря чему он совершает какие-то определенные поступки, в то время, как мог бы совершить другие. **Воспринимаемое же сообщество находится вне актора, это окружающие его индивиды, которых он и воображает, и входит с ними в контакт.** Необходимо отметить, что для конкретного индивида большая часть общества воображаема, но невоспринимаема. Примером последнего могут быть как «общество в целом», так и далекие и незнакомые индивиды, которые для каждого из нас невоспринимаемы в качестве субъектов, воздействующих на нас и полагающих нашу реальность. В то время, как **воображаемое сообщество относится к событию, воспринимаемое состоит из поступков, которые могут быть подвергнуты внешней оценке.** Различие воображаемого и воспринимаемого сообществ осознается постфактум, когда поступок уже совершен, и актер представлен к ответу. Эта ответственность (юридическая) лишь косвенно связана с событиями и напрямую связана с поступками¹.

Возвращаясь к теме ответственности актора за поступки, которую нельзя списать на анонимный социальный порядок (мол, не мы такие – время такое), необходимо прояснить совместность субъектностей акторов. Довольно часто, применительно к историческому прошлому, а через него и к настоящему, субъектность акторов полагается чем-то само собой разумеющимся, будь то субъектность жертвы или агрессора, например. Для этого даже существует клише «остаться в истории». Но **если агрессор ответственен за свои деяния, то и жертва ответственна за свои: коль скоро в событии участвовали двое – роль одного не может являться оправданием другого.** Конечно, есть тип ситуаций, когда жертва оказывается не в состоянии дать отпор, но есть и другие случаи, когда жертва могла не согласиться с навязываемой ей плачевной ролью и, однако же, согласилась. Этим вопросом задается Гамлет: «Быть или не быть – вот в чем вопрос. Достойно ль/Смириться под ударами судьбы,/Иль надо оказать сопротивление...». В то время, как (псевдо)юридическая оценка ответственности предполагает ее самоочевидность, онтологический анализ исходит из возможности различных вариантов развития событий. В связи с этим **жертва оказывается в той же мере ответствен-**

¹ Касториадис К. Воображаемое установление общества. М.: Гнозис; Логос, 2003. С. 69.

ной за (не)использование тех вариантов, которые у нее были (или могли бы быть), что и агрессор.

Появление сослагательного наклонения открывает перед нами еще одну значительную проблему, особенно важную в контексте исторической вины наций, а именно: **эквивалентности вменяемых субъектностей. Последнее означает, что один актер в схожих обстоятельствах может поступить аналогично другому.** Историческая вина — это ответственность нации (народа и государства) за деяния, принесшие ущерб другим нациям (народам), например, насилие (геноцид) или эксплуатация (колониализм). В мире есть совсем немного наций (народов), которые бы в той или иной форме не совершали насилия над другими, и лишь некоторые из них в той или иной форме признали свою ответственность за них. В связи с этим возникает вопрос, поступили бы угнетаемые так же, окажись они на месте угнетателей: то есть, причиняли бы они насилие и признали бы впоследствии свою ответственность за него? Несмотря на свою сослагательность, этот вопрос представляется немаловажным, ибо почти всякий угнетаемый народ когда-то (или в настоящем времени) сам являлся угнетателем. И поскольку лишь некоторые нации признали свою ответственность или ведут дискуссию по этому поводу, резонно спросить об ответственности и всех остальных, которые страдали сами и заставляли страдать других.

Использование эквивалентности субъектностей вводит эквивалентность ответственности акторов в связи с разделяемой ими идеологией. Другими словами, если воображаемая субъектность какого-то актора входит в противоречие с субъектностью других акторов, последние не обязаны основывать свою ответственность по отношению к нему на своих ценностях (идеологии), а могут вменить ему его собственную. Например, если сообщество поддерживает дискурс кровной мести, принцип *audiatur at altera pars* (да будет выслушана и другая сторона) как основание справедливости становится неадекватным, и, напротив, справедливым будет принцип «око за око». Другим примером будет несовместимость ценностей мультикультурализма с ценностями фундаментализма, националистического, либо религиозного толка, поскольку справедливость в их отношениях предполагает общее понимание ответственности. Конечно, необходимо понимать, что в ряде случаев последовательное использование эквивалентности ответственности может привести к крайним формам коллективного насилия. Ограничением здесь выступает понимание множественности и разнородности любого сообщества, чьи

поступки всегда будут частичными, а значит, не сводимыми к единой оценке ответственности.

Не стоит думать, будто эквивалентность ответственности с необходимостью должна вести лишь к взаимному противостоянию и оправдании эскалации насилия. Такой исход, конечно, возможен, но и за него рано или поздно придется ответить. Поскольку не существует однозначно положительных или отрицательных субъектностей, их эквивалентность ведет также и к примирению акторов. Таким образом, **признание исторической ответственности акторов является, помимо всего прочего, способом включения разных субъектностей и примирения акторов, а в целом признанием ими неизбежности гетерогенности существования.** В этом случае взаимный жест признания всегда открывает новые пути взаимодействия акторов и посредством этого – создания новых субъектностей.

Источником признания (в форме примирения или противостояния) является память сообщества, которая поддерживает временное измерение социального существования. Социальная память представляет собой «внутренний диалог», постоянно возобновляемый круговорот идентификаций и оценок, с которыми отождествляют себя акторы. Здесь уместно вспомнить, что согласно Аристотелю, **память и воображение суть одно и то же**¹. Именно воображение актора возобновляет работу памяти по созданию самотождественного образа сообщества. Благодаря множественности отношений и идентификаций, формируются и дробятся нарративы коллективных идеологий, которые встречаются с переживаниями индивидов. Таким образом, континуум социальной памяти ни в коей мере не является чем-то вроде старинной шкатулки, а скорее является движением повторения и различия, посредством которых множество воспроизводит себя в необратимом времени. И однако же, как было отмечено, этот континуум воображаемый. Воображаемость памяти вытекает из факта необратимости времени: то, что ушло – исчезло навсегда. Поскольку прошлые отношения акторов невоспринимаемы, связь с памятью отдана фантазиям. Нет иной связи с нашими запомненными поступками, чем обратное реконструирование по косвенным признакам, а значит зов предков – наше собственное эхо².

¹ Аристотель. О памяти и припоминании // Вопросы философии, № 7, 2004. С. 160.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С.43.

Данная ситуация порождает проблему исторической преемственности между сообществами. **Непосредственно воспринимаемая связь между историческими временами отсутствует и подменяется идеологическими нарративами.** Что касается последних, то хотя есть немало примеров того, как нарративы целенаправленно конструируются, их также можно рассмотреть как сингулярные существования. Нарративы существуют в параллельной реальности абстрактных объектов, которые воспроизводят и организуют себя автоматически, посредством статистических сборок идентификаций акторов. Эволюция нарративов идет одновременно с процессами группообразования акторов, и детерминация отношений между ними двусторонняя. Актор в той же мере выбирает группу по признаку идентификации, в какой нарратив порождает все новые версии самого себя, разделяемый каждым новым актором. Не только сообщества людей воспроизводят себя во времени и передвигаются в пространстве, нарративы следуют вместе с ними. Они представляют собой самоорганизующиеся объекты, которые заставляют людей воспроизводить и передавать их друг другу.

Здесь нет ничего удивительного, ибо ценности, представленные идеологическими нарративами, воспринимаются как реальные, а, следовательно, и существуют как реальные. **Мир воображаемого и мир воспринимаемого одинаково реальны, хотя и различны по своему устройству.** Поскольку воображаемые идентификации представляют собой ценность, они полагаются самостождественными: то есть реальность такова, какой мы ее себе воображаем. Однако, если они реальны, то их существование гетерогенно. Нужда в идентификации возникает в связи с различием акторов «мы – они» (мы являемся такими-то по сравнению с другими, которые данными качествами не обладают). Относительно данного различия «мы – они» совершенно неважно, какое содержание будет вложено в тот или иной нарратив и по каким идентификациям акторы будут сравнивать себя друг с другом. Этот процесс будет организован автоматически самим движением дифференциации.

В связи с этим механизм поступков не совпадает с реконструкцией воображаемых событий. Для представления последних всегда в изобилии предоставлены различные жанры нарративов и многочисленные сообщества – участники разыгрываемых коллективных и индивидуальных историй. Эпос, плач, триллер, боевик, трагедия, роман воспитания и т.д. – все они представлены в оценках отношений индивидов, групп и наций. Практикуемые нарративы являются ука-

занием на то, в качестве какого субъекта и в каких отношениях общество оценивает себя. **Нарративная субъектность (идентичность) представляют собой ответ сообщества на вопросы истории. Понимание ответственности сообществом таково, какова его субъектность, воображаемая единой, но в реальности множественная и гетерогенная. И поскольку эти отношения разыгрываются в настоящем времени, ответственность как ответ сообщества на внешний вызов связана не только с воображаемым прошлым, но и с воспринимаемым настоящим.**

Рекомендуемая литература:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Арндт Х. Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла. М.: Европа, 2008. 424 с.
3. Аристотель. О памяти и припоминании // Вопросы философии, № 7, 2004. С. 161-169.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель, 2010. 895 с.
5. Касториадис К. Воображаемое установление общества. М.: Гнозис; Логос, 2003. 480 с.
6. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом высшей школы экономики, 2014. 384 с.
7. Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.
8. Тард Г. Социология и монадология. Пермь: Гиле, 2016. 124 с.
9. Balibar E. Spinoza and Politics. London – New York: Verso, 2008. 160 p.
10. Delanda M. A New Philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity. London: Continuum, 2006. 150 p.
11. Matheron A. Individu et Communauté chez Spinoza. Paris: Minuit, 1988.
12. Thacker E. Networks, Swarms, Multitudes // Communication Theory, 5/18/2004. URL: <http://cttheory.net/printer.aspx?id=423>

Содержание

Предисловие	3
Глава 1. Концептуальные истоки исторической ответственности	6
§ 1 Кантианские перспективы понимания исторической ответственности.....	8
1.1 Как определяется ответственность?.....	9
1.2 Коперниканский поворот в этике	15
1.3 Свобода выбора.....	17
§ 2 Банальное зло: когда универсальность поставлена под вопрос	19
2.1 Когда ответственность становится политической	24
2.2 Векторы исторической ответственности	28
Глава 2. Историческая ответственность: проблематика и специфика	31
§ 1 Исторична ли ответственность?.....	32
§ 2 Субъекты и акторы	39
Глава 3. Формы репрезентации исторической ответственности	46
§ 1 Плата по долгам прошлого	46
§ 2 Борьба за восстановление справедливости	50
2.1 Продуцирование сплочённости	55
2.2 Борьба за признание	56
2.3 Фундаментальный жест денонсации.....	57
§ 3 Забота о будущем	58
Глава 4. Историческая ответственность как социальное отношение: экономия, право, менеджмент.....	63
§ 1 Историческая ответственность как социальное отношение. Практики исторической ответственности	63
§ 2 Этическое, экономическое, правовое в отношениях исторической ответственности: требование, признание, наказание, осознание.....	67
§ 3 Историческая ответственность в контексте современной теории и практики управления.....	75
Глава 5. Историческая ответственность и современная социальная теория	82
Проблема социальной субъектности в определении исторической ответственности	82

*Учебное пособие подготовлено при поддержке
Совета по грантам Президента РФ (МК-5814.2015.6)*

И. В. Красавин, И. А. Симонова, Д. А. Томильцева

Историческая ответственность

Учебное пособие

под общ. ред. Д.А. Томильцевой

ООО Издательство «Деловая книга» 620034, г Екатеринбург,
ул. Толедова, д 43, корп. 12Д, офис 165.

Подписано в печать 06.12.2016. Формат 60х84 1/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 5,7. Уч.-изд. л. 5,5.

Тираж 50. Заказ № 06/12-1.

Отпечатано ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, 54.